
Член Союза
Писателей
России
Александра
Треффер
Aeternum bellum
(бесконечная война)
18+

Александра Треффер

Aeternum bellum (бесконечная война)

«Автор»
2012

Треффер А.

Aeternum bellum (бесконечная война) / А. Треффер — «Автор», 2012

ISBN 978-5-532-93941-7

Германия, наши годы. Персонажи романа – вымышленные потомки немецких королевских и дворянских фамилий, живущие в волшебном мире, связанном с человеческим. На фоне антуражных исторических мест Германии представлены подлинные проблемы людских душ.Первая часть романа – «Инквиетум» (лат. inquieta – неприкаянный) рисует картину развития, разрушения и возрождения личности под влиянием ненависти и любви, а также борьбы разворачивающейся между двумя политическими организациями волшебников.Вторая – «Артефакт» посвящена поискам предмета с начинкой из огромной силы древнего колдуна, угрожающему волшебному сообществу продолжением войны.В третьей части книги – «Апокалипсис» война становится глобальной, объединяя и светлых и тёмных против разноликого сверхъестественного врага. Маги ведут борьбу с силами ада, разгул которых приводит к угрозе взрыва супервулканов планеты. Произведение наполнено драматизмом и приключениями, развязка же неожиданна и для читателя, и для самих героев.

ISBN 978-5-532-93941-7

© Треффер А., 2012
© Автор, 2012

Содержание

Часть 1. Инквиетум 6
Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 18
Глава 4 22
Глава 5 28
Глава 6 33
Глава 7 38
Глава 8 44
Глава 9 48
Глава 10 54
Глава 11 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Александра Треффер
Aeternum bellum (бесконечная война)

Все персонажи – плод фантазии автора.
Любые совпадения случайны.

Часть 1. Инквиетум

Глава 1

Между богатыми историей и достопримечательностями городами *Майнцем* и *Кобленцем* на берегу Рейна возвышаются потемневшие от времени стены некогда неприступного и грозного замка Фюрстенберг, бросающие, как может показаться в наступающих сумерках, мрачную тень на раскинувшуюся ниже живописного укрепления современную деревушку Рейндибах.

***Майнц* (нем. Mainz) – город в Германии, столица земли Рейнланд-Пфальц.**
***Ко́бленц* (нем. Koblenz, Coblenz, от лат. Confluentes — «сливающиеся) – город на западе Германии в федеральной земле Рейнланд-Пфальц.**

Последний год, с того дня как угрюмые развалины перешли в собственность нелюдимого местного жителя, непреложно хранящего какую-то тайну, чёрный замок стал пользоваться дурной славой.

Самые восприимчивые сначала шепотом, а потом в голос уверяли, что древнее сооружение захвачено силой, заставляющей полутёмные коридоры звучать шагами невидимых глазу людей, а по ночам дающей команду выщербленным окнам вспыхивать отблесками огней факелов.

Поскольку очевидцев нашлось немало, а сердца простодушных немецких крестьян даже в век высоких технологий остались склонными к мистике, напуганные жители деревни решались приближаться к стенам крепости только при свете дня, чтобы обрабатывать поля, охватившие замок плотным полукольцом.

Если бы кто-нибудь из них сумел заглянуть за сверхъестественную завесу, застилающую взгляд, он увидел бы Фюрстенберг во всей его первозданной красе.

Ему сразу бросилось бы в глаза, что чёрные камни заблистали свежестью окраски, окна не зияют пустотой, колодец полон свежей воды, а полуразрушенные башни и стены стоят незыблемо, как и много веков назад.

И ещё более удивился бы наблюдатель, если бы узнал, что всё это средневековое великолепие ежедневно поддерживается словом *«фортис»,* звучащим из уст человека, немного напоминающего колдуна из старой сказки.

***Фортис* (лат.fortis) – крепко.**

Вот он наш герой – мужчина тридцати пяти-сорока лет, высокий, атлетически сложённый. Чёрные волосы его заплетены в косу и спускаются почти до пояса, в глазах глубокого синего цвета светятся ум и решительность, твёрдо сжатый, но не жёсткий рот и выдающийся вперёд подбородок говорят об упрямстве и недюжинной силе воли.

Из-под обрамлённых густыми усами губ, изредка растягивающихся в невесёлой улыбке, блестят ровные зубы, орлиный нос придаёт своему владельцу некоторое сходство с этой гордой птицей, а тело обвивает чёрный шёлковый плащ, скрывающий вполне современную, того же немаркого цвета, одежду.

Обладателя столь нестандартной внешности можно было бы назвать красивым, если бы не глубокие старческие морщины, прорезающие лицо, да не ощущение обречённости, которым веяло от сутулившего плечи человека. Казалось, что какое-то горе минуту за минутой высасывает из него жизнь.

Конрад фон Виттельсбах – прямой потомок некогда властительной Пфальцско-Баварской династии и сильнейший маг современности, стоя на стене замка, бездумно вглядывался в темноту ночи, сверкающую в отдалении электрическими огнями и кипящую оживлением.

Однако близ его владений ничто не нарушало гнетущую тишину, не раздражающую, впрочем, окутанного мраком мужчину. Конрад не жаждал суеты, а стремился к уединению и безмолвию.

***Виттельсбахи* (нем. Wittelsbacher) — немецкий феодальный (королевский) род, с конца XII века и до конца первой мировой войны правивший Баварией, Пфальцем, а также некоторыми близлежащими землями.**

Около двух лет назад он покинул светлый *Гейдельбергский* замок, в котором родился и прожил многие годы, и вместе со своим воспитанником перебрался в мрачный Фюрстенберг.

Причиной поспешного бегства стало засилье туристов, создававших шум и суматоху и порой ухитрявшихся взломать магическую защиту укрепления. Сумрачную цитадель, где поселились опекун и ребёнок, тоже навещали любопытные, но, после приобретения её в личную собственность поверенным Виттельсбаха, оставили крепость в покое.

***Гейльдербергский (Хайдельбергский) замок* – руины его находятся на вершине горы Кёнигштуль в Ба́ден-Вю́ртемберге над городом Гейдельбергом. Бывшая резиденция пфальцграфской династии Виттельсбахов, неоднократно менявшая хозяев.**

С момента как тёмный маг и опекаемый им Теодорих фон Рейнштайн вступили на почву Фюрстенбергского замка, оба добровольно похоронили себя в каменной гробнице посреди бушующего событиями мира. И теперь Конрад мог спокойно дожидаться смерти, которая через некоторое время окончательно разрушила бы его тело, подстёгиваемая носимым мужчиной проклятием.

Утомившись созерцанием ночи, маг спустился вниз, направив шаги в сторону жилого дома, где в окнах скромно мерцал огонёк. Тяжело поднявшись по лестнице, чародей вошёл в скупо освещённую факелами комнату, стены которой терялись во тьме.

На озарённом пламенем камина пятачке ковра сидел мальчик лет тринадцати, листая старинный толстый фолиант. Ребёнок выглядел достаточно крепким для своего возраста, но бросалась в глаза болезненная бледность лица – результат постоянного недостатка света.

Черты его: прямой нос, красивого рисунка губы, голубые яркие глаза, абсолютно белые от природы волосы вкупе с ровной осанкой и сдержанными манерами создавали впечатление аристократичности, что соответствовало действительности: Теодорих являлся потомком двух благородных семей: аристократической – *фон Рейнштайн* и дворянской – Рогге.

***Рейнштайн* – замок, находящийся на скале напротив городка Ассманнсхаузен на среднем Рейне. Здесь – имя персонажа, производное от названия укрепления.**

Когда Конрад встал в дверях, мальчик встрепенулся и посмотрел на него с вопросом. Но маг, окинув воспитанника равнодушным взглядом, подошёл не к нему, а к стоящему близ очага старинному удобному креслу, в котором и расположился, протянув ноги к огню и закрыв глаза. На бесстрастном лице его мелькали тени: чародей тщился отогнать не один год преследовавшие его тяжкие думы.

Мальчик с сочувствием следил за этой игрой мысли, однако, зная по опыту, как резко и оскорбительно может отреагировать опекун на звук его голоса, молчал.

Через четверть часа он всё же набрался смелости и решился задать вопрос:

– Герр Виттельсбах, простите, что тревожу вас, но не могу ли я завтра побывать в Майнце? Эмма отмечает день рождения, и у неё соберутся друзья.

Открыв глаза, Конрад медленно перевёл взгляд на Теодориха.

– Разве я когда-нибудь запрещал тебе встречаться с товарищами? – холодно спросил он.

У мужчины был глубокий мягкий баритон, в котором последнее время часто звучали резкие нотки.

– Нет, но… Вы же должны знать, где и с кем я нахожусь.

– Ты волен делать всё, что заблагорассудится, – отстранённо сказал маг, – я не имею ни права, ни желания тебе мешать.

Его тон задел мальчика, и он позволил себе продолжить:

– Но на завтра запланирована тренировка по боевым заклинаниям. Я могу пропустить этот урок?

Виттельсбах резко выпрямился в кресле.

– Думаешь, меня беспокоит, сможешь ли ты себя защитить, выйдя из-под моей опеки? – сдавив подлокотники, прошипел он. – Вовсе нет. Я делаю всё, чтобы подготовить тебя к жестокостям нашего мира, но если ты предпочитаешь учению глупые забавы, пожалуйста, право твоё. Как только ты достигнешь совершеннолетия, наши пути разойдутся, и жизнь покажет, правильные ли тобой принимались решения.

Утомлённый непривычно длинной гневной тирадой чародей откинулся на спинку кресла и снова смежил веки.

– Если я доживу до этого момента, – прошептал он.

Напуганный не столько взрывом, сколько последней едва слышной фразой опекуна, подросток затих и весь вечер молчал, дрожа и смахивая одинокие слезинки. А маг погрузился в воспоминания.

Если бы в этот момент мы могли заглянуть в его мозг, то увидели бы резиденцию *дукса «Серви нокти*с» – замок *Эренфельз*.

Как и Фюрстенберг, он поддерживался магическими заклинаниями хозяина, но, помимо этого, барон *Вольф фон Майдель*, самовольно присвоивший себе не только эту крепость, но и титул, не гнушался ни одним из современных немагических средств, чтобы придать месту своего обитания блеск, соответствующий статусу владельца.

***Дукс* (от лат. dux – глава, проводник, вожак) – глава сервиноктисов, сильнейший тёмный колдун.**

***«Серви нокти*с» (от лат. servi noctis – слуги ночи) – разговорное « сервиноктисы» – объединение тёмных магов, к которому обязан был присоединиться каждый, выбравший тёмную сторону. Светлые маги, за редким исключением, избегали этого сообщества.**

***Замок Эренфельз* – бывшая таможенная и оборонная точка на рейнском острове.**

***Майдели* (нем. Maydell, Meidell) — баронский род. Здесь титул барона самовольно присвоен однофамильцем из мелких дворян.**

Замок освещался электричеством, у ворот стояло несколько дорогих автомобилей, всё вокруг сверкало роскошью, а сам *Морсатр*, как называл себя колдун, выглядел просто потрясающе в своей небрежной элегантности.

Морсатр **(от лат. mors atra - чёрная смерть). Здесь – имя, присвоенное дуксом сервиноктисов.**

Ст*о*ящие баснословных денег костюмы ловко сидели на гибкой, мускулистой фигуре, подчёркивая достоинства внешности мужчины, который, если не всмотреться пристально, мог бы показаться безупречно красивым. По моде остриженные чёрные волосы, умный взгляд, тонкие чёткого рисунка губы, смуглая кожа, слегка крючковатый нос делали его лицо притягательным для непосвящённого.

Но первое впечатление было обманчивым. Внимательного наблюдателя напугали бы глаза: холодные, насмешливые, жестокие зеркала души.

Когда же Морсатр хотел добиться дополнительного эффекта при воздействии на жертву или подвластных ему магов, он пускал в ход улыбку, если за таковую мог сойти безжизненный, страшный оскал ходячей смерти.

Рядом с этим человеком и оказался фон Виттельсбах в одном из уголков памяти. Здесь Конрад выглядел иначе, чем в современной действительности, и не удивительно, проклятие разрушения в то время ещё не коснулось его.

Молодое лицо мага с едва заметными морщинками на лбу и у уголков рта поражало особыми – мужскими красотой и достоинством, атлетическое сложение, подчёркнутое величественной осанкой, более чем в настоящее время, бросалось в глаза, а чёрные волнистые волосы, стянутые в хвост, вились по спине до лопаток.

Плащ, похожий на виденный нами в Фюрстенберге, отличающийся только золотым позументом у горловины, развевался по всей комнате, сопровождая мечущегося из угла в угол волшебника.

– Объясни мне, Вольф, зачем тебе это надо, и чем «Серви ноктис» не угодили эти… Шнайдеры?

Конрад фон Виттельсбах недоумевал и злился. Он не понимал стремления барона Майделя к всё новым и новым жертвам.

– Для всех я Морсатр, друг мой, не забывай.

– Оставь эти штучки для нижестоящих, – рявкнул тёмный маг, но тут же взял себя в руки. – Почему ты никогда ничего не мотивируешь? Почему я должен действовать только на основании твоих уверений, что те, кого мы уничтожаем, это заслужили? Жизни волшебников не игрушки, а смерть не игра, я не люблю этого, ты же знаешь.

– Что за розовые слюни, – скривился собеседник, – ты трусишь что ли?

Виттельсбах заскрежетал зубами.

– Если бы мы не были знакомы с детства, ты поплатился бы за эти слова. Как ты смеешь обвинять меня в трусости? Я сильнее тебя и равен *иллюм**и**насу*, кого мне бояться?

Иллюминас **(лат. Illumines – лучик, луч) – глава «Филии луцис» – сильнейший светлый волшебник.**

– Тогда выполняй приказы! – заорал Майдель. – Мягкотелый интеллигент. Неужели ты не понимаешь, что этим магическим стадом нельзя управлять иначе? Из-за полного отсутствия кровожадности ты и не смог занять место, доставшееся мне по праву сильнейшего.

От громовых раскатов голоса дукса с резким треском разлетелось оконное стекло.

– Избавь меня от своих дурацких фокусов, Вольфи! Я сожалею теперь, что не встал во главе «Серви ноктис», – зарычал в ответ Конрад. – Думаю, я проводил бы более разумную политику, не связанную с кровопролитием. А может, ещё не поздно, а?

В ярости раздувая ноздри, он наклонился к Морсатру, взгляд которого сразу стал испуганным и злым.

Дукс вскочил, и колдуны стояли друг напротив друга, пока Майдель не ухмыльнулся, и мышцы его не обмякли.

– Ну, почему я всегда разрешаю тебе так с собой разговаривать? – почти жеманно спросил он. – В конце концов, ты хотя и не нижестоящий, но иерархически всё равно относишься к моим подчинённым.

И, снова развалившись в кресле, элегантный красавец поинтересовался:

– Так ты отказываешься от задания?

– Да…

Виттельсбах всё ещё кипел от негодования.

– И я уже не раз просил не давать мне подобных поручений. Я тёмный, но не палач.

– Хорошо, Кон. Впредь я и сам поостерегусь с тобой связываться. Ты страшен в гневе, и мне повезло, что в замке не действует ни одно боевое заклинание, иначе в горячке ты бы меня убил.

Рассмеявшись и щёлкнув пальцами, дукс отправил в пространство небольшой клубок магического излучения.

– *Вокаре* Карл Виттельсбах.

***Вокаре* (лат. vocare) – зов. Заклинание, используемое для вызова других магов. Может быть направленным, находя мага по энергетическому слепку, или общим, призывающим либо тёмных, либо светлых, либо тех и других.**

Глаза Конрада нехорошо блеснули.

– А почему именно мой брат?

Морсатр оскалил зубы, демонстрируя улыбку.

– Потому что, в отличие от тебя, он без рассуждений выполняет приказы.

В центре комнаты возник небольшой смерч, принесший человека, с первого взгляда казавшегося близнецом синеглазого мага.

Но, присмотревшись, наблюдатель заметил бы, что он моложе и, скорее, худ и поджар, чем крепок. Чёрные волосы коротко острижены, глаза несколько иного оттенка, губы сжаты чуть жёстче и, в противовес брату, от него веяло угрозой.

– Здравствуй, Карл, – сказал Майдель, соизволивший подняться навстречу гостю, – у меня есть для тебя работа.

Бросив короткий взгляд на старшего, младший Виттельсбах спросил:

– От которой отказался Конрад?

– Увы, увы, твой братец не желает мне подчиняться, но он мой друг, а я питаю слабость к друзьям. И ты – ближайший родственник Конрада выполнишь задание вместо него.

– Я готов, – сказал исполнитель, презрительно посмотрев на брата.

Получив от дукса подробные инструкции, маг коротко кивнул и направился к двери.

– Конрад…

Морсатр был сама любезность.

– Я хотел бы немного отдохнуть, прости. Встретимся позже.

Оба чародея вышли, не оглянувшись, и не увидели, с каким бешенством Майдель смотрит им вслед.

Очутившись в коридоре, Карл остановился и зло сказал:

– Послушай, Конран, это недопустимо. Когда-то я брал с тебя пример, восхищался тобой, твоими силой, умом, бесстрашием, но сейчас ты – истинный позор сервиноктисов.

– Ошибаешься, братец. Это ты бесчестишь себя, поливая планету невинной кровью во имя святого Морсатра.

– Мы должны подчиняться дуксу, – холодно бросил Карл. – Он генерал, мы солдаты, выполнять любые его приказы – наша обязанность.

– С чего бы это? – выплюнул Конрад.

– Так решила наша многовековая история. Дукс – временщик, но система вечна.

Старший Виттельсбах едва сдерживал ярость.

– Вряд ли я смогу тебя убедить, но кровавая диктатура никогда не являлась разумным видом правления. Мне претит, что вы творите. Поэтому я никому не присягал и никому ничего не должен.

– Я не желаю слушать изменнические разговоры, – рассвирепел младший брат и, развернувшись на каблуках, *субвертировал*.

Субвертация, субвертировать **(от лат. subvertat – бросок) – переместиться на большое или малое расстояние броском собственного тела (аналоги в литературе – трансгрессия, телепортация).**

Конрад гневно топнул ногой и ударил кулаком по стене, выплёскивая раздражение. Прижавшись к ней лбом и ладонями, он застыл в неподвижности, пытаясь успокоиться и найти компромисс.

Считая, что он, по трагической случайности присоединившийся к слугам ночи, должен реализовывать своё магическое предназначение в отведённой ему судьбою нише, Виттельсбах всё же понимал, что не имеет морального права пустить события на самотёк, поскольку невмешательство станет тем же убийством.

Когда из-за душевных метаний мозг чародея начал разрываться и болеть, в голову ему пришла единственно разумная мысль. Раз он – тёмный не может лично помешать кровопролитию, пусть это сделают светлые. В конце концов, это их прямая обязанность.

Утвердившись в принятом решении, Конрад перебросил себя к замку *Либенштайн* – жилищу иллюминаса *«Филии луцис»*.

Замок Либенштайн **находится на берегу реки Рейн, над городком Карп-Борнхофен.**

«Филии луцис» **(лат. filii lucis - дети света) – разговорное «филии», «филийка», «филий» – политическое объединение светлых волшебников, куда входили практически все светлые и несколько сотен тёмных магов.**

Посторонний звук вернул фон Виттельсбаха из минувшего в реальность. Маг поднял веки, пытаясь понять, что это было.

Ах да, ему послышался всхлип. Ребёнок, устрашённый неподвижностью и молчанием опекуна, тихонько плакал, зажимая рот ладошкой.

Конрад долго смотрел на воспитанника, прежде чем спросить:

– У тебя что-то болит?

Голос его звучал спокойно, даже слишком спокойно для проявления заботы, несомненно, колдун задал вопрос лишь по обязанности. Испуганно вытаращив глаза, мальчик отрицательно замотал головой.

– Тогда избавь меня от слезливых эмоций, – так же ровно сказал опекун. – Иди спать, время позднее.

Мальчик поспешно отнёс книгу на место, пожелал лениво следящему за его передвижениями мужчине спокойной ночи и, дождавшись молчаливого кивка, вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Услышав характерное шарканье, Виттельсбах почувствовал глухое раздражение. Неужели все его уроки бесполезны? Заклинание вызова света «*люкс*» позволило бы щенку не ощупывать стену по дороге в спальню.

Но колдун сразу отбросил эту мысль, как не имеющую значения, веки его медленно сомкнулись, и Конрад вновь очутился в прошлом.

Глава 2

Там, где сейчас оказался маг, похоже, не было ни зла, ни противостояния, потому что лоб его разгладился, а на губах заиграла лёгкая улыбка.

Как жаль, что этого не видел воспитанник. Он порадовался бы, что опекуна, пусть ненадолго, но перестали мучить дурные мысли.

Смех Гизелы звонким колокольчиком разносился над Рейном, и Конрад вт*о*рил, довольный, что смог развеселить девочку.

Голос его ломался, как у всех подростков, и подруга от души хохотала над тем, как фальцет рассказчика вдруг сменялся баритоном, переходящим, в свою очередь, в дребезжащий тенорок.

Но юного чародея не пугали и не отталкивали добродушные насмешки Гизелы, напротив, в её присутствии он чувствовал себя свободным и счастливым.

Взявшись за руки, дети осторожно спустились к реке.

Пока они ладошками загребают воду, смеясь и осыпая брызгами друг друга, стоит, пожалуй, сказать несколько слов об их внешности.

Гизела – очаровательная четырнадцатилетняя полуребёнок-полудевушка была обладательницей правильных черт лица, каштановых вьющихся волос и зеленовато-карих глаз.

Хорошенькое оживлённое личико несколько портили неровные зубы, которые она часто показывала в улыбке. Но Конрад не замечал этого недостатка, влюблённому мальчику всё казалось идеальным.

Сам Виттельсбах совершенно не походил на того, каким стал, повзрослев. Хотя и широкоплечий, но худой и нескладный, он, однако, отличался недюжинными магической и физической силами. По этой причине задевать юношу боялись, и уж тем более никто в его присутствии не решался флиртовать с Гизелой.

Сверху их окликнули. Оба подняли головы и на фоне неба увидели тёмные силуэты товарищей по играм – Хорста фон Рейнштайна и Вольфа Майделя.

Бесцветный блондин Рейнштайн на фоне яркого, похожего на итальянца черноглазого брюнета Майделя выглядел не слишком презентабельно, но ни Гизеле, ни её другу не было до этого никакого дела; они давно уже привыкли к внешности приятелей.

Скользя на осыпающемся песке, мальчишки скатились вниз. При этом Вольфу удалось удержать равновесие, а его спутник, завязнув, ничком упал к ногам Конрада.

Хохотнув, тот помог Хорсту встать и отряхнуться.

– Виттельсбах, – небрежно сказал Вольф, – тебя, между прочим, разыскивает брат.

Конрад поморщился. Он устал от неуёмного восхищения восьмилетнего Карла, с восторженным выражением лица ходившего за старшим по пятам и пытавшегося повторить все его действия, что постоянно приводило к катастрофам.

– Вот ещё! Что же ему от меня надо, позволь спросить?

– Точно не знаю, но, по-моему, сегодня вы собирались изучать боевые заклинания.

Маг хлопнул себя по лбу.

– Верно! Как же я мог забыть? Отец суров, и теперь мне не сносить головы.

Он обратился к подруге:

– Гизела, нам пора.

– Что ты таскаешь её за собой, как привязанную?! – возмутился Хорст. – Мы её не съедим.

И, повернувшись к девочке, сказал:

– Если хочешь, оставайся с нами, а мы потом тебя проводим.

Та нерешительно взглянула на своего кавалера.

– Ты не против, Кон?

Мальчик исподлобья посмотрел на приятелей и кивнул.

– Хорошо. Но если узнаю, что кто-нибудь из вас её обидел, берегитесь. Вольфи, это, в первую очередь, тебя касается.

– Ой, да бога ради, Конрад...

Майдель возвёл глаза к небу.

– За кого ты нас принимаешь? Не первый день знакомы.

И щелчком сбил с плеча соринку.

Хорст хихикнул.

– А Вольфи всё прихорашивается.

Если бы Майдель мог заморозить приятеля взглядом, тот мгновенно превратился бы в ледяную статую. Ничего подобного, конечно, не произошло, но Рейнштайн попятился от уничтожающе глядевшего на него Вольфа.

– Если не можешь сказать ничего умного, лучше помолчи… Иди, Кон, мы позаботимся о Гизеле.

Конрад кинул на него взгляд, в котором читалось сомнение, поцеловал девочку в щёку и субвертировал.

– Вот это силища! – ахнул Хорст. – Нам и на сотню метров себя не перебросить, а он, наверное, уже дома.

– Говори за себя, – задумчиво хмыкнул Вольф, глядя на место, где только что стоял Виттельсбах.

Обратившись к девушке, он поинтересовался:

– Как ты считаешь, какую сторону выберет твой друг?

Та заколебалась.

– Мне кажется, Кон станет светлым, – неуверенно сказала она.

Хорст снова захихикал.

– С его-то семьёй? С его-то внешностью? Да у него на лбу написано «колдун», а не «волшебник».

Гизела рассердилась на насмешника.

– При чём тут внешность?! Можно подумать, ты не знаешь, что выбор зависит от того, что за душой. Кон за всю жизнь мухи не обидел, а уж убить человека или мага не сможет никогда.

– Да? Посмотрим…

Майдель, что-то напряжённо обдумывал, и эти слова вырвались у него случайно.

Под удивлёнными взглядами друзей он, пытаясь замять неловкость, махнул рукой и весело произнёс:

– Ну, вот что, колдуны и волшебники, предлагаю пойти купаться. Кто "за"?

И поднял руку вслед за остальными. Троица снялась с места и исчезла в росшем у воды кустарнике.

Конрад, конечно, не слышал разговора приятелей. Переместившись, он очутился близ замка Гейдельберг; магической силы мальчика оказалось недостаточно, чтобы попасть непосредственно в точку назначения.

Но не повезло ему не только в этом. Выскользнув из пыльного вихря и прочихавшись, он нос к носу столкнулся с замершим от восторга младшим братом. И встреча с ним стала меньшим из зол; Карла сопровождал отец.

Тридцатисемилетний Рихард фон Виттельсбах внешне походил на Конрада в зрелости, но в лице его не было мягкости, присущей молодому магу. Жёсткие, надменные черты колдуна говорили о деспотизме и непримиримости. Такие люди не прощают ошибок.

Говоря друзьям, что ему не сносить головы, юноша выражался вовсе не фигурально, поскольку в семье Виттельсбахов дети едва ли не ежедневно подвергались суровым телесным наказаниям.

Отец считал, что мучения плоти не только заставят помнить о проступке, но и закалят юных магов, и не жалел для них кнутов и заклинаний. И каждый раз, с трудом покинув лобное место, Конрад клялся себе, что никогда не поднимет руку на собственных отпрысков.

Карл воспринимал это гораздо спокойнее, но и избивали его реже. Мальчишка восторженно относился к традициям тёмных, что сделало его любимцем сурового Рихарда.

А мечтательный, не способный причинить боль старший сын тревожил отца, опасавшегося появления филия в семье сервиноктисов и старающегося выбить из юной головы малейшие лучи света.

Вот и сейчас, сурово глядя на юношу, он спросил:

– Где вы, ваше высочество, изволили находиться в то время, когда ваш брат упражнялся в боевых искусствах?

Спокойная вежливость при угрожающем тоне всегда была дурным признаком.

– Гулял у Рейна, – ответил Конрад, понимая, что истину стоило бы скрыть.

Однако обман претил мальчику, и он решил выдержать наказание, лишь бы не произносить слов лжи.

– Совершенно пустое времяпрепровождение. И с кем же, позвольте узнать?

– С Гизелой Рогге, Хорстом Рейнштайном и Вольфом Майделем.

– С Майделем? Вы знакомы с Майделем? – оживился отец.

– Он мой друг, – отозвался Конрад.

Старший Виттельсбах помолчал, размышляя.

– Вы заслужили кару за забывчивость и легкомыслие, сын. Но ваше умение выбирать друзей порадовало меня. Немедленно отправляйтесь домой и займитесь повторением пройденного. А я проверю ваши достижения позже.

Рихард взял Карла за руку и, прежде чем исчезнуть, сказал:

– Держитесь своего товарища, Конрад, вероятно, в его руках наше будущее!

Место, где стояли Виттельсбахи, опустело, а юноша застыл в недоумении, осмысливая услышанное.

Сидевший в кресле чародей открыл глаза.

«Отец был прав». – подумал он.

Внутреннее чутьё подсказало покойному Рихарду фон Виттельсбаху, кем станет Вольф, но он не мог и предположить, что сам окажется жертвой злобного исчадия ада.

Размышлять об этом маг не захотел и, поднявшись, заклинанием осветил себе дорогу к спальне.

Передвигаться становилось всё труднее, проклятие целенаправленно старило тело мужчины, но Конрад нашёл в себе силы добраться до места, которое, вне всяких сомнений, станет последним, что он увидит в жизни.

Когда за ним захлопнулась дверь, громко трещавший в камине огонь погас, и в замке воцарилась гробовая тишина.

На следующее утро, едва начало светать, опекун разбудил Теодориха. Наспех одевшись, невыспавшийся ребёнок поплёлся за мужчиной на верхушку *бергфрида*, где они обычно устраивали учебные бои.

***Бергфрид* – сторожевая башня в стенах замка. Бои там устраивать нельзя, но простите автору избыток фантазии.**

– Мы будем сражаться? – спросил мальчик.

– Да, – коротко ответил Конрад.

– А почему в такую рань? – зевая, поинтересовался воспитанник.

– Насколько я помню, ты собирался провести сегодняшний день с друзьями?

В тоне наставника сквозило раздражение.

– Не могу же я позволить тебе пропустить урок.

– Ох!

Теодорих, после вчерашнего разговора поставивший крест на встрече с Эммой и Хельмутом, обрадовался. Возбуждение от предстоящего удовольствия прогнало остатки сна.

Бой начался. Первым нападал мужчина, а Теодорих защищался. Потом они поменялись ролями.

Виттельсбах был доволен; сегодня у мальчика всё получалось как нельзя лучше. Тому даже удалось разрушить защиту Конрада и, кинув в него заклинанием *«салтаре»,* заставить в течение минуты отплясывать *тарантеллу*.

Произнеся антизаклятие, Теодорих испуганно посмотрел на наставника, ожидая взрыва, но тот лишь ухмыльнулся.

***Салтаре* (лат. saltare) – танцуй. Заклятие танцем.**

***Тарантелла* – итальянский танец в быстром темпе, живой и страстный по характеру.**

– Конечно, «салтаре» не относится к боевым, – сказал он, – но умение его использовать не повредит. Если враг, вместо того чтобы сражаться, примется танцевать на поле брани, это может дезорганизующе подействовать на его соратников.

Мальчишка хихикнул. Он открыл рот, чтобы ответить, но недавний противник, предупреждая готовые сорваться слова, махнул рукой и, молча кивнув, тяжело спустился вниз.

Теодорих же, проводив его взглядом, подошёл к проёму между зубцами и, глядя вниз, но не видя расстилающихся у подножья замка полей, задумался.

Опекун может нормально общаться с людьми, у него есть чувство юмора, он даже умеет улыбаться, когда захочет. Почему же с ним он так холоден? Этот вопрос мальчик задавал себе неоднократно.

Вероятно, дело в нём самом. Возможно, он недостаточно умён, сообразителен и этим день за днём разочаровывает Виттельсбаха.

Конечно, грех жаловаться, за годы, проведённые вместе, наставник ни разу не ударил воспитанника, заботился о нём – его развитии, образовании. Если ребёнок болел, мог провести бессонную ночь рядом, но…

Но интуиция подсказывала Теодориху, что маг делает это без души, переступая через себя. Настоящего тепла мальчик не чувствовал, как если бы между ним и опекуном стояла непроницаемая стена. А это проклятие? Почему тот не хочет от него избавиться?

Ответов, как и всегда, он найти не смог. Герр Вительсбах такой, как есть, он вряд ли изменится, и Теодорих должен с этим смириться.

Несмотря ни на что, воспитанник любил сурового чародея, как отца. О родном он не хотел даже вспоминать, потому что был уже достаточно взрослым, когда тот убил его мать и намеревался поднять руку на собственного сына.

Выбросив печальные мысли из головы, Теодорих побежал переодеваться. Его ждали друзья.

Мальчик не ошибался. Вовсе не тревога о его магическом образовании заставила Конрада подняться так рано, и про встречу воспитанника с товарищами он вспомнил совершенно случайно.

Виттельсбаху всю ночь снились тревожные сны, лишь косвенно связанные с историей ребёнка. Проснувшись до света, маг решил не лежать бесцельно в постели, а придумать себе какое-нибудь занятие. И этим делом стал Теодорих.

Но сейчас, когда тот ушёл, мужчина опять оказался в плену тяжёлых дум. Не в силах им противиться, он занял кресло перед камином, и в памяти его вновь замелькали обрывки прошлой жизни.

Глава 3

Оказавшись у стен Либенштайна, Конрад вызвал хозяина, и иллюминас пригласил гостя внутрь.

Убранство магического жилища выглядело незамысловатым, и ничто не указывало, что его владелец – потомок морганатической ветви королевской династии.

Лёвенштайн давно отказался от титула и привилегий, считая, что простота жизни даёт больше возможностей для правильного восприятия действительности. Виттельсбах соглашался с ним: он тоже не придавал значения своему происхождению, да оно ничего и не значило для современного мира.

***Лёвенштайны* (нем. Löwenstein) – морганатическая ветвь дома Виттельсбахов, владевшая франконскими (Франкония – истор. область на юго-востоке Германии) графствами Лёвенштайн, Вирнебург, Вертхайм-на-Майне.**

***Морганатическая ветвь* образуется вследствие морганатического брака, заключаемого между лицом, принадлежащим к царствующему дому, с человеком не царского рода.**

Иллюминас миновал семидесятилетний рубеж. Волосы до плеч, усы и небольшая борода его были совершенно седы, а одеяние радужного цвета, похожее на рясу, придавало некоторую схожесть с православным священником.

Обладающий огромной магической силой, но альтруистичный и добрый Рудольф Лёвенштайн всегда помогал страждущим, что привлекало к нему и светлых, и тёмных магов. Многие из последних, найдя понимание и поддержку в «Филии луцис», остались преданными ей навсегда.

К этому человеку и пришёл Виттельсбах, уверенный, что тот поможет и ему. Он пересказывал разговор в Эренфельзе, не замечая в тревоге, что из угла комнаты за ним следят две пары глаз: одна недоброжелательно, другая восхищённо.

– Одну минуту, Конрад, – прервал того Рудольф, – позволь представить тебе наших друзей из России Владимира Фёдорова и Игоря Чижова. Думаю, им тоже стоит обо всём знать. Господа, перед вами Конрад фон Виттельсбах.

Со стоящих поодаль кресел поднялись двое волшебников. Один из них, лет двадцати отроду, не отличался красотой. В нём, худом, как жердь, с ногами избыточной длины, коротко стриженными сальными волосами коричневого цвета, носом картошкой, толстыми губами и слишком высоким лбом поражали глаза – бархатисто-карие, умные и тёплые, с ресницами, как у девушки, длинными и загнутыми вверх. Он с готовностью пожал руку Конрада.

– Много слышал о вас, герр Виттельсбах, и счастлив познакомиться! – так радостно приветствовал того юноша, что маг даже растерялся от столь неожиданного проявления чувств.

Второй – мужчина под пятьдесят был высок, крепок, коренаст, цвет его коротких волос напоминал соль, смешанную с перцем. Голубые глаза на правильном лице с подозрением рассматривали мага.

Не протягивая руки, он с сарказмом поинтересовался:

– Любопытно, что же подвигло советника наитемнейшего Морсатра помогать светлым?

– Советник Морсатра ни перед кем не обязан отчитываться в своих поступках, – спокойно ответил Виттельсбах, но в голосе его прозвучал металл.

– Господа, довольно, – осуждающе произнёс иллюминас, – сначала дело, а пикировку оставим на потом.

Внезапно смутившийся русский крепко сжал ладонь колдуна.

– Простите меня, Конрад. Я недоверчив, но сердце подсказывает, что вы – достойный человек. Кроме того, Игоря не обмануть.

Он махнул в сторону молодого волшебника.

Мягкая улыбка появилась на губах мага. Ему понравился этот немолодой великан, и он не стал продолжать ссору.

– И я прошу простить мою попытку ответить ударом на удар. Хотелось бы верить, что это не отразится на наших отношениях.

Фёдоров удивлённо смотрел на Конрада, чьё суровое лицо словно засияло изнутри.

– Он не тёмный, – отвернувшись, пробормотал Владимир.

А Лёвенштайн, кинув быстрый взгляд на гостя, согласно наклонил голову.

Мужчины немедля начали организовывать спасательную операцию. Послав зов, они вызвали и ввели в курс дела ещё нескольких человек.

Виттельсбах, хмурясь, смотрел на новоприбывших. Его тревожило и раздражало поведение двоих: Уве Шефера – человека непонятного возраста с безликой внешностью, не желавшего понимать, почему большая группа филиев должна защищать ничем не выдающуюся семью, и Вольфганга Хоппа, доказывающего соратникам, что никому из сервиноктисов верить нельзя.

Маг начал опасаться саботажа. Он не знал Шнайдеров, но не хотел, чтобы те погибли.

– Послушайте, вы, – резко поднявшись, сказал он, – господа светлые. Неужели вам настолько безразлична судьба несчастных, что я – слуга ночи должен настаивать на их спасении? По-моему, каждому нормальному человеку ясно, что за своих надо вступаться, какими бы малозначительными для общества они ни казались.

– Поганый сервиноктис будет мне указывать, что говорить и делать?! – взорвался Хопп. – Когда тёмные ублюдки убивали моих родителей, к ним на помощь не поспешил никто. По вашей вине я остался сиротой…

– По моей лично? По вине находящихся здесь филиев? Какое отношение к этому имеем мы? И при чём тут Шнайдеры? Или ты считаешь, что родители других детей непременно должны разделить судьбу твоих? В поддержку?

Хопп поднялся и, угрожающе сжав кулаки, направился к Виттельсбаху. На лице того не дрогнул ни один мускул, он просто стоял и ждал.

Вокруг мгновенно замолчали. Когда же филий собрался поразить противника, маг едва заметным движением кисти и тихо произнесённым заклинанием пригвоздил нападавшего к месту.

Иллюминас положил Конраду руку на плечо, удерживая, и, махнув другой, освободил незадачливого волшебника.

– Вольфганг, как смеешь ты нападать на пришедшего помочь?

– Это человек сервиноктис! – рявкнул Хопп.

– Пусть. Но он прав. Ты – светлый ведёшь себя, как поклонник мрака. Я отстраняю тебя от операции. Не хочу, чтобы, руководствуясь своей неразборчивой ненавистью, ты ударил нашего друга в спину.

– Так он уже и друг?!

Лицо филия исказилось от ярости, и, грязно выругавшись, он исчез.

– Фанатик, – спокойно констатировал Фёдоров, – а от них больше вреда, чем пользы. К сожалению, он так быстро ушёл, что я не успел дать ему совет: избегать нелепого единоборства с более сильным противником.

Жестом пригласив присутствующих занять места, Владимир опустился в кресло.

– Карл будет не один, – сообщил Конрад, – на такие задания идут, по крайней мере, трое. А вас шестеро…

– Пятеро, – произнёс русский, – Игорю туда нельзя. Он – *легентем церебрум* и не вынесет мыслей боя.

***Легентем церебрум* (лат. legentem cerebrum – читающий мозг) – маг, умеющий считывать мысли.**

Виттельсбах ахнул:

– Это же редчайший дар, – пробормотал он ошеломлённо, – последний из полноценных легентемов…

– Да-да…

Фёдоров кивнул.

– Последний был рождён пять веков тому назад.

Смутившийся от всеобщего внимания Чижов залился краской и убежал в угол.

– Вот почему Игорь поверил мне, – задумчиво произнёс чародей, – он прочёл мои мысли.

– Не совсем так, – признался тот. – Если нет зрительного контакта, я вижу нечётко, но улавливаю общий фон.

– Итак, нас пятеро, – вернул собеседников к проблеме Лёвенштайн, – более чем один на один. Ты, Конрад, как я понимаю, умываешь руки?

Маг покачал головой.

– Я не могу принять участие в операции по той же причине, что подвигла меня отказаться от предложения стать агентом филиев в стане врага. У меня есть определённые понятия о чести, и я не преступлю границ.

Фёдоров хотел что-то сказать, но иллюминас остановил его взглядом.

– Если бы ты знал, сынок, как ошибаешься, – грустно произнёс он. – Когда-нибудь ты поймёшь, что я был прав.

Виттельсбах упрямо покачал головой, и Лёвенштайн, вздохнув, вернулся к предыдущей теме.

– Когда ожидается нападение?

– В полночь.

– Что ж, думаю, нам пора…

Но в эту секунду воздух в центре помещения неожиданно загустел, и в комнату вступил окровавленный светлый.

– Иллюминас, – задыхаясь, сказал он, – сервиноктисами атакован *Ландау*, там гибнут и люди, и маги. Призванные уже бьются, но нас слишком мало.

***Ландау* (Landau-in-der-Pfalz) – город в Германии, земля Рейнланд-Пфальц.**

Волшебники вскочили.

– Конечно, мы идём, – поспешно сказал Лёвенштайн и обернулся к чародею.

– Прости, Конрад, но сначала нам придётся разобраться с этим.

Филии субвертировали, в замке остались только Чижов и Виттельсбах.

Последний нервничал, чувствуя, как стрелки его внутренних часов неумолимо приближаются к полуночи. Игорь сочувственно смотрел на мага, не решаясь открыть рот, но, наконец, осмелился произнести:

– Герр Виттельсбах, по-видимому, в Кобленц придётся отправиться вам.

– Да, – резко ответил тот, – у меня не осталось выбора. *Мотус*!

***Мотус* (лат. motus) – перемещение. Заклинание для субвертации.**

И на глазах юноши, привыкшего к завихрениям субвертатов, исчез без звуков и визуальных эффектов. Молодой волшебник, изумлённый проявлением такой силы, прирос к месту и некоторое время стоял неподвижно, ошеломлённо покачивая головой.

А в Ландау была бойня. Захваченные врасплох и выгнанные из домов горожане – маги и люди метались от укрытия к укрытию.

Под удар попали как тёмные, так и светлые, но если сервиноктисы, не задумываясь о других, субвертировали кто куда, то филиям пришлось гораздо хуже; они не имели права отступить. Ошеломлённые внезапной атакой волшебники не могли сосредоточиться и гибли один за другим.

Эпицентр магического сражения находился в районе Ратхаусплац, заклинания рикошетили от стен зданий, порой поражая вовсе не тех, в кого летели. Волны магии накатывали и со стороны улицы Максимилиан, куда последователи «Серви ноктис» погнали часть избиваемых.

Оказавшись на месте, иллюминас сразу же оценил обстановку и отправил «вокаре», призывающее соратников переместиться в определённую точку. Это подействовало, филии стали стекаться туда, где их ждал Лёвенштайн.

Оставшиеся в живых люди, не обременённые магическим даром, со страхом наблюдали из своих убежищ, как на Ратушной площади в странных вспышках один за другим появляются неизвестные. Те делали непонятные пассы руками, после чего нападавшие либо замирали, либо падали замертво.

Когда число странных пришельцев увеличилось втрое, неподалёку вырос большой шар, выплёскивающий из себя сгустки тёмного света, а в центре него возникло нечто, лишь отдалённо напоминающее человека.

Чёрные ошмётки то ли ткани, то ли энергии плавали вокруг зависшего над мостовой чудовища, на месте головы которого недобро сиял оскаленный череп.

Над площадью пронёсся многоголосый вопль: «Морсатр!»

Тёмные маги потянулись к предводителю. Противники рассредоточились, вытянувшись в цепь, и в обе стороны полетели боевые заклинания. А забытые волшебниками люди начали покидать убежища, не в силах преодолеть любопытство.

Но этот этап Aeternum bellum закончился, едва начавшись. Материализовавшийся из воздуха тёмный силуэт метнулся к чёрной смерти, и та, махнув рукой, растворилась во мраке.

Вслед за главой субвертировали и остальные, оставив филиев на опустевшем поле боя. Недоумевающие волшебники переглядывались и обращали взоры на иллюминаса.

Тот размышлял. Показалось ли сервиноктисам, что потери слишком велики, или они отступили по иной причине, но силы тьмы покинули Ландау. А значит, до следующего сигнала об опасности филии могли расслабиться.

Распорядившись оказанием помощи раненым, Лёвенштайн с сопровождающими переместились в Кобленц к дому Шнайдеров.

Глава 4

Тем временем Конрад, замерший у освещённого окна небольшого строения, оценивал обстановку, и она ему очень не нравилась.

Стояла тишина, дверь, выбитая неведомой силой, висела на одной петле… Виттельсбах опоздал.

Двигаясь абсолютно бесшумно, он направился к крыльцу и осторожно вошёл внутрь. Пусто.

Подхватив полы плаща, не издавая ни звука, мужчина двинулся дальше, готовясь отбить атаку, если та последует.

Но нет, похоже, здесь, действительно, никого не было. Где же хозяева?

Они лежали в дальней комнате – молодые мужчина и женщина, во цвете лет сражённые «лонгаморте» – заклинанием медленной смерти. Волшебники, должно быть, сильно мучились перед тем как умереть: боль исказила их лица, а тел*а* иссекла сила, скрывающаяся в заклятии.

Конрад в оцепенении смотрел на трупы тех, кого не успел спасти, но видел не них. Перед внутренним взором колдуна предстала истерзанная девочка, которой он когда-то подарил избавление от мук, тем самым навек запятнав свою душу.

«Девочка! Ведь у этих несчастных есть дочь, – вспомнил маг. – Нужно её отыскать».

Он кинулся обшаривать дом, страшась, что найдёт ещё одно мёртвое, изувеченное ничт*о*. Но, к величайшему его облегчению, ребёнок остался жив. Малышка забилась так глубоко под кровать, что Виттельсбах не сумел до неё дотянуться.

Махнув рукой, он отбросил мешающий ему предмет, и девочка завизжала так, что у спасителя возникло жгучее желание заткнуть уши.

Вместо этого мужчина подхватил брыкающуюся перепуганную скандалистку на руки и уже намеревался субвертировать, когда на пороге возник Карл.

– Отдай мне её, – с угрозой в голосе сказал он, надвигаясь на брата.

– Или что? – насмешливо поинтересовался тот.

– Или я уничтожу вас обоих. Иммотус!

Конрад, едва не уронив свою ношу, увернулся от обездвиживающего заклинания. Резким движением опустив ребёнка на пол, он толкнул его за спину, приказав бежать.

– *Ментири*!

Бросок тоже не достиг цели.

– *Целеремортем*! – выкрикнул Карл.

– *Протегамур*! Ты действительно готов убить меня, братец?

– Я не пощадил бы предателя, даже если бы на твоём месте стоял наш отец.

***Ментири* (лат. mentiri) – лежи.**
***Целеремортем* (лат. celerem mortem) – быстрая смерть.**
***Протегамур* (лат. protegamur) – щит.**
***Секаре* (лат. secare) – резать. Режущее проклятие для живого.**

Потрясённый словами младшего, старший брат не успел отбить *«секаре»,* вспоровшее ему руку. Проглотив вопль, он повторил заклятье и похолодел, когда противник повалился навзничь.

Опасаясь ловушки, маг осторожно приблизился и рухнул на колени, увидев, что горло Карла перерезано, а глаза колдуна подёрнулись мутной пеленой.

Делая пассы ладонями, Конрад шептал слова, заживляющие раны и заставляющие кровь вновь течь по жилам, но ему не удалось остановить смерть. Бросив последний ненавидящий взгляд на брата, Карл замер навсегда.

Дикий крик вырвался из горла старшего, нет, уже единственного Виттельсбаха.

Борясь с подступающим безумием, он смотрел на дело своих рук, и в этот момент в доме появились филии во главе с иллюминасом.

Тот сразу понял, что произошло, и, отдав распоряжение увести девочку, склонился над оледеневшим Конрадом.

– *Пакс!*– произнёс он, бросая в чародея большой клубок энергии.

***Пакс* (лат. pax) – покой. Успокаивающее, расслабляющее заклинание.**

Тот содрогнулся, приходя в себя, и прошептал:

– Что же я натворил!

Рудольф тронул ладонью его плечо.

– Это война, друг мой, кто-то из вас должен был погибнуть.

Конрад не слушал старика.

– Братоубийца! Братоубийца! Можно ли пасть ещё ниже?! – повторял он, словно в бреду.

Оттолкнув протянутую руку, колдун, залитый кровью своей и Карла, поднялся и направился к двери. В проёме он обернулся и, взглянув на распростёртое тело, бросил иллюминасу:

– Я буду вашим агентом, Рудольф. Мне уже нечего терять.

И, зацепив макушкой притолоку, вышел прочь.

Мысли мага скакнули от одной трагедии, из которых состояла его жизнь, к другой. Он видел замок Гейдельберг.

Их отношения с Карлом уже тогда были натянутыми. Правоверный сервиноктис – младший брат отказывался понимать старшего, не желавшего всей душой отдаться служению ночи. Но в день, пришедший на память Конраду, их ненадолго примирило трагическое для обоих событие.

В гостиную тогда вбежал задыхающийся Карл…

– Отец…– воскликнул он. – С ним что-то случилось…

Брат вскочил.

– Почему ты так думаешь?

– Он прислал зов, и это был вопль раненого.

– Слепок?

– Есть.

Оба субвертировали, перемещаясь вдоль нитей энергии, рисующих карту местности, откуда пришёл зов.

Отца они нашли на острых камнях под высокой скалой, и им сразу стало ясно, что магу не помочь.

Конечно, сыновья сделали попытку применить исцеляющие заклинания, но Рихард, слабо застонав, отрицательно покачал головой, с трудом поднял руку, указывая то ли на небо, то ли на каменную гряду над ними, и прошептал:

– Морсатр. К нему…

Рука упала, по телу колдуна пробежала судорога, и он замер, уставившись остановившимися глазами в глаза оцепеневших братьев.

По лицу Конрада катились слёзы, Карл же, крепко сжав губы, горестно смотрел на умершего. Осиротевшие Виттельсбахи каждый по-своему переживали трагедию.

Несмотря на суровость, Рихард был хорошим отцом. Он давал сыновьям не только знания, умения и закалку, но по-настоящему, хотя и по своему разумению, заботился о них. С возрастом маг стал мягче в обращении с выросшими детьми, и оба искренне любили и уважали родителя.

Забрав тело, братья в молчании переместились в Гейдельберг.

Похороны прошли тихо, без присутствия посторонних. Конрад и Карл выглядели спокойными, хотя в их душах бушевала буря чувств. С каменными лицами они вернулись в замок и долго, не говоря ни слова, сидели в гостиной, прислушиваясь к заглушённому заклинаниями жужжанию голосов туристов, с утра до вечера осаждающих укрепление.

Наконец, старший прервал молчание:

– Как ты думаешь, что отец пытался сказать в последнюю минуту?

Карл пожал плечами.

– Он был предан «Серви ноктис», а Морсатр – дукс. По-видимому, он препоручал нас ему.

Собеседник с сомнением качнул головой. Последнюю пару лет Рихард тянулся к старшему сыну, словно пытаясь искупить вину перед ним, младшему не доставалось и малой толики его внимания.

И Конрад хорошо помнил, что сказал отец во время одной из их доверительных бесед.

Около месяца назад, когда мужчины остались наедине, старший произнёс слова, взволновавшие и озадачившие Конрада.

– Майдель – чудовище, – глядя в огонь камина, промолвил колдун. – Я не мог и подумать, что сложу свою магию к ногам такого мерзавца.

– Но вы поддерживали его когда-то, – возразил сын.

– Поддерживал, ибо в то время считал достойнейшим из тех, кто мог занять место дукса. Я даже не гневался по-настоящему, когда вы отказались от власти, мне казалось, что она выше ваших сил.

– Сейчас вы думаете иначе? – осторожно поинтересовался Конрад.

– Да. Однажды вы сказали, что служение ночи не предполагает обязательной жестокости, только лишь разумную жёсткость. Ваше правление стало бы именно таким. Я сожалею, что вы не встали во главе «Серви ноктис», хотя и считаю теперь, что это не честь, а тяжкая ноша.

Конрад, скорее, встревоженный, чем обрадованный похвалой отца, спросил:

– Значит, вы полагаете, что я совершил ошибку?

– Несомненно. Но в этом нет вашей вины. Виноват я, пытавшийся не уговорить, а принудить вас.

Младший Виттельсбах задумался. Он не совсем понял, что имел в виду отец.

Рихард встал. Обняв за плечи своего тридцатилетнего ребёнка, он поцеловал его в лоб.

– Прости меня, Конрад, за то дурное, что я принёс в твою жизнь. И спокойной ночи, сынок!

Не дожидаясь ответа, маг развернулся и вышел из комнаты.

Этот разговор и вспомнил сейчас старший брат, размышляя, мог ли Рихард при таком мнении о Майделе с лёгкостью завещать сыновьям службу у него. Сам Конрад давно разочаровался в друге детства, но Карл верил дуксу.

– Мне кажется, – продолжил разговор старший Виттельсбах, – отец имел в виду что-то другое…

– Что именно? – прервал младший.

– Не могу сказать, но едва ли в последние секунды жизни он стал бы давать указания, кому мы должны повиноваться.

Не вставая с кресла, брат наклонился к Конраду и прошипел:

– Мне ясно, как день, что прозвучало завещание. Ты отказался стать дуксом, им стал Морсатр, и теперь мы оба в его безоговорочном подчинении.

– Нет, это не так…

– Для тебя, возможно. А я готов выполнять свой долг.

Уничтожающе посмотрев на Конрада, Карл направился к выходу.

– Подожди. Отец всегда осторожничал при субвертации, почему же он погиб так нелепо? Возможно, Вольф что-то знает. Последние слова…

– Морсатр! – обернувшись, одёрнул брат. – Для всех он Морсатр, и ты не исключение. А что касается отца, то это несчастный случай. Возраст, потеря ориентации...

–Ты сам веришь в тобой сказанное? Ему было лишь немного за пятьдесят.

Не удостоив Конрада ответом, Карл вышел, оставив дверь открытой…

С той ночи в замке поселилась война.

Формально братья находились на одной стороне, но фактически младший считал старшего предателем, основываясь на наблюдениях за его поведением. Он советовал дуксу не доверять Конраду, но Майдель отказывался ему внимать.

Вольф не нуждался в советниках и советчиках. Великолепный стратег – он мгновенно проигрывал в уме десятки сложнейших комбинаций событий, и под его началом «Серви нокстис» стала страшной, в буквальном смысле этого слова, силой, направленной на уничтожение светлого «стада».

Морсатр нередко забавлялся, без всяких оснований губя волшебников, и оправдывал бессмысленные жертвы необходимостью показательных казней инакомыслящих.

И, что странно, по наблюдениям Конрада особо изощрённой смерти удостаивались и маги, и люди, злоупотребляющие алкоголем и третирующие близких. В этом случае выживала вся семья, кроме злополучного пьяницы – главы.

Однажды Виттельсбах, уже несколько месяцев успешно работавший на филиев, упомянул об этом у иллюминаса. Тот, заметно опечалившись, поведал магу историю, которую во время встречи вожаков за столом переговоров прочёл в памяти дукса Игорь Чижов:

*Двенадцатилетний мальчик проснулся от шума и громких воплей. Кричала мать, а грубый, пропитой голос вт**о**рил ей.*

Вольф Майдель соскользнул с кровати и, тихо ступая, пошёл на звук, дрожа от холода и тревоги за Гертруд. Сколько он себя помнил, не проходило и дня, чтобы отец не вернулся домой пьяным.

Доставалось всем. У Вольфа не заживали раны, нанесённые обезумевшим от шнапса Отто, и матери нередко приходилось, схватив ребёнка, убегать из дома, чтобы муж не убил обоих.

Тот избивал жену постоянно, но сегодня она кричала особенно страшно. Из соседней комнаты слышались тяжёлые глухие удары по беззащитному телу, вопли не прекращались.

Подросток потянул на себя тяжёлую дверь и, собрав всё мужество, вошёл.

Мгновенно оценив обстановку, он просчитал всё до мелочей. Когда отец швырнул женщину на пол и занёс руку, чтобы продолжить экзекуцию, слабенькое «секаре» полетело в него с места, где стоял Вольф.

Абсолютно невменяемый Отто Майдель, едва почувствовавший порез, повернулся, пытаясь разглядеть сына сквозь плавающую перед глазами пелену. Стонущая Гертруд его уже не интересовала.

– Где ты, чёртов волчонок? – сипел пьяница, шаря вокруг. – Убью!

– Ну, давай, убей!

Искажённое насмешкой лицо вынырнуло из тумана прямо перед носом Отто.

– А-а, вот ты где! Ну, держись! – заревел Майдель-старший, кидаясь к отпрыску.

Но промахнулся. И ещё, и ещё раз: ловкий мальчишка легко увёртывался от едва стоявшего на ногах мужчины.

Но вскоре Вольфу надоела эта игра. Чувствуя огромный прилив магической силы, слегка напрягшись, он послал в ополоумевшего отца спираль магии, пронизавшую того насквозь.

– Лонгаморте!

– Не-ет! – раздался крик Гертруд.

И отчаянный вой человека, терзаемого проклятием долгой смерти, кромсающим внутренности, вытягивающим жилы, заставляющим невыносимо страдать.

Раздувая ноздри, Вольф стоял над поверженным мучителем до последнего его вздоха, а потом бросился к матери. Та, с ужасом глядя на сына, попыталась отползти, но переломанные кости не позволили ей двинуться с места.

– Убьёшь и меня? – прошептала она, когда мальчик наклонился, чтобы помочь.

– Нет, мамочка, я тебя вылечу, – нежно сказал Вольф, врачуя её ушибы, порезы и переломы.

– Он умер? – всё так же шёпотом спросила Гертруд.

– Да. И никогда больше тебя не обидит.

По щекам женщины заструились слёзы. Вытирая их ладошкой, сын продолжил лечить раны, не замечая, как тускнеют глаза Гертруд.

Помощь пришла слишком поздно, и через несколько минут перед окаменевшим от горя подростком лежал труп единственного человека, которого он любил. С последним в жизни рыданием осиротевший ребёнок кинулся на тело матери.

Когда Вольф поднялся, лицо его было спокойно и жестко. Всю ночь он поддерживал во дворе огонь погребального костра, а наутро о Майделях и их жилище, по воле юного мага, не помнил уже никто.

Конрад едва отошёл от потрясения. Он знал, что в семье Вольфа отсутствовала гармония, но чтобы настолько…

– Зря вы мне это рассказали, Рудольф, – грустно сказал он. – Помня, что в Морсатре когда-то жил страдающий ребёнок, в решающий момент я могу нанести ему недостаточно сильный удар.

– Но ведь тебя, в отличие от него, не ожесточили наказания отца, сынок, – возразил Лёвенштайн. – Ты не стал бесчеловечным из-за того что тебя избивали в детстве.

– Я лишь приобрёл нечувствительность к физической боли.

Виттельсбах невесело улыбнулся.

– Мой отец имел своё представление о воспитании, но никогда не был бессмысленно жесток. И не убивал жену на глазах собственных детей. А творимое Отто Майделем непростительно…

– Что бы ни делал Отто, путеводным лучиком для Морсатра могла бы стать память об ушедшей. Но он предпочёл забыть её, и даже воспоминания свои запрятал так глубоко в подсознание, что Игорь с трудом смог их извлечь. Никакими муками в прошлом нельзя оправдать зверства в настоящем. Разве я не прав?

– Наверное, правы, – рассеянно отозвался Конрад.

Он думал о том, как неожиданно Вольф изменился однажды, превратившись из зажатого, постоянно ёжившегося и вздрагивающего мальчишки в красиво подающего себя политика. Теперь Виттельсбах знал причину этой метаморфозы.

Если бы в то время друг доверился ему, поделился переживаниями, позволил утешить себя, возможно, мир не страдал бы сейчас. Как и в случае, если бы сам Конрад оказался чуть проницательнее и задумался об этой перемене.

Маг вспомнил слова Рихарда, сожалевшего, что сын не встал во главе «Серви ноктис». Наконец он понял его. Тот хотел сказать, что, подчиняясь сильнейшему, Вольф не мог бы столь явно и безнаказанно демонстрировать свою дьявольскую сущность.

Но раз всё сложилось так, а не иначе, Виттельсбаху придётся побороть в себе жалость к этому несчастному, искалеченному человеку – бывшему другу во имя многих.

– Скажите, Рудольф, – спросил колдун, – именно этим Вольф в двенадцать лет отличился перед «Серви ноктис»?

– Да. Хотя Отто был алкоголиком и, по сути, злодеем, семья его считалась светлой. Убив филия, Вольф оказал услугу ночи, а тёмные получили ещё одного адепта. Но это не всё. Ты прекрасно знаешь, что Майдель стратег. Позже он помог русскому дуксу в локальной войне с несколькими опасными для того группировками. Огромное семейство Фёдоровых, связанное родством с графом Храповицким, построившим *замок-артефакт в Муромцеве*, пострадало больше других. Жена и двое сыновей Владимира погибли, а сам он – один из немногих выживших.

***Замок в Муромцеве*. В Судогодском районе Владимирской области, в селе Муромцеве стоят развалины замка, построенного когда-то графом Храповицким в стиле поздней французской и английской готики.**

– Ох!

Виттельсбаху стало понятно, почему маг с таким подозрением отнёсся к нему – пособнику Морсатра при первом знакомстве.

– Слишком много печальных открытий для одного дня, – вздохнул чародей.

И подумал, что было бы неплохо использовать полученную информацию против Майделя, не заметив, что в размышлениях противопоставил себя стихии тьмы.

Глава 5

Пока мучимый ужасными воспоминаниями опекун метался в кресле у камина, его воспитанник развлекался у Эммы Шнайдер.

Волшебницы – девочка и её тётя жили в одном из районов Майнца – Бретценхайме в небольшом доме, надёжно скрытом от глаз людей заклинаниями чудаковатой, но рациональной тётушки Урсулы – старой девы, опекающей племянницу после гибели своего брата Стефана и его жены.

Для любопытных глаз строение выглядело обычным пустырём, что приводило к разным, иногда забавным, казусам. Сначала администрацией района долго разыскивались владельцы пустоши, которую хотели выкупить, чтобы построить там гостиницу. Потом, когда хозяев не нашли, была сделана попытка проверить проплешину на соответствие планам, ибо мэр Бретценхайма всё ещё лелеял надежду на заселение необитаемого места парой сотен приносящих доход приезжих.

Но каждый раз, когда исследователи пытались продвинуться вглубь простирающегося на триста метров пространства, они натыкались на твёрдую преграду, на ощупь похожую на дверь, окно или стену.

Наиболее суеверные вскоре зареклись даже появляться на «пр*о*клятой» земле, и, в конце концов, законопослушные и мистически настроенные горожане оставили измученное жилище в покое.

Виттельсбах не узнал бы этот дом. В ту страшную ночь, когда он спас Эмму ценой жизни брата, девочку доставили сюда другие. Но Теодорих хорошо знал, как выглядит приветливое здание.

Со Шнайдерами он познакомился у родственников по матери – Арнольда и Ольги Рогге, которых, не встречая возражений со стороны опекуна, время от времени навещал. У дяди с тётей росли двое детей – Хельмут и Ирма. Мальчики были ровесниками, а Ирма моложе обоих на шесть лет. И сейчас все они отмечали день рождения Эммы.

Несомненно, стоит потратить несколько слов, чтобы описать, как выглядит девочка, вырванная Конрадом из лап смерти. Губы бантиком и вздёрнутый нос придают её лицу детски-наивное выражение, одевается темноволосая и сероглазая Эмма в какие-то жуткие, на взгляд Теодориха, лохмотья, а волосы закручивает в дреды. Но за этим пёстрым фасадом скрываются мощнейший интеллект, острый ум, наблюдательность и огромная сила волшебницы.

Эмма пользуется всеми видами изобретений человеческого разума, она самостоятельно освоила компьютер и без проблем выходит в мировую сеть, а в голове у неё столько информации о магах и людях, что любой учёный позавидовал бы такой эрудиции.

Черноволосый, долговязый и худой Хельмут, в отличие от подруги, едва одолевает азы магического образования. Если в голубых глазах его порой и светится мысль, то недолго. Обычное наивное их выражение придаёт лицу мальчика с несколько размытыми чертами глуповатый вид.

В этот момент старший Рогге дразнил сестрёнку, а та плакала и дерзила брату. Эмма хихикала над ней вместе с Хельмутом, но Теодориху не нравилось, как друзья обращаются с ребёнком, и он пытался успокоить обе стороны. Ребята поддразнивали и приятеля, обещая парочке скорую свадьбу, но тот оставался серьёзен.

В конце концов, Тео резко заявил, что не одобряет такое отношение к девочке и немедленно заберёт её и уйдёт, если насмешки не прекратятся. После этого товарищи притихли, Ирма забралась к защитнику на колени, а тётя Урсула внесла в комнату огромный торт.

Женщина никогда не создавала еду из молекул воздуха, а готовила своими руками, что делало пищу особенно вкусной. Заждавшиеся дети, даже сдержанный Теодорих, жадно набросились на лакомство.

– Эмма, не облизывай руки, – одёрнул мальчик подругу, – это неприлично.

Сам он аккуратно отламывал ложкой небольшие кусочки и клал в рот.

– Так вкуснее, – отозвалась та, обсасывая пальцы, – быстрее и… Больше достанется.

Договаривая, она засунула за щеку ещё один огромный кусок с кремом.

– Беба́ фами даянами…

– Что? – не понял подросток.

Прожевав и снова облизав ладони, девчонка повторила:

– Беда, говорю, с вами дворянами и аристократами. Там не сиди, так не ешь, то не носи…

Хельмут рассердился:

– Бестолочь ты, Эмма! Причём тут дворянство? Это общепринятые правила. На тебя смотреть противно.

– И не смотри, – хладнокровно парировала она, – подумаешь, очень нужно.

Теодорих, с минуту понаблюдав за препирающимися друзьями, сказал девочке:

– Иногда мне хочется дать тебе подзатыльник, как маленькому ребёнку. За непослушание.

– Только попробуй! – окрысилась та.

– Не стану, – вздохнул мальчик. – На женщину я руки не подниму.

– Ну, и правильно, – засмеялась строптивица. – Пошли танцевать.

Но ребята так набили животы, что чувствовали себя мухами перед спячкой. Подёргавшись под музыку в одиночку, девочка рассерженно сказала:

– Да ну вас, прямо старички какие-то.

И, сев рядом с мальчиками, завела разговор.

Эмма рассказывала о знакомых ей одногодках из человеческого мира, сравнивая два общества и радуясь, что им – магам не приходится ходить в школы, как людям, и они углублённо изучают лишь то, что может пригодиться в жизни. Постепенно ребята перешли к тонкостям образования магического.

– Вот скажите мне, – спросила Эмма, – к чему нам эта латынь?

– Как к чему? – растерялся Хельмут. – Для заклинаний.

– Ерунда! – сердито отрезала Эмма. – Смотрите-ка.

Она развела ладони и, направив их на стол, произнесла:

– *Brot mit Wurst!*

***Brot mit Wurst (нем.)* – хлеб с колбасой.**

На столешнице появились бутерброды без тарелки.

– Оп, не учла, – засмеялась девчонка.

Хельмут стоял, разинув рот.

– Но ведь это немецкий, – промямлил он.

– Ну, да, – отозвалась подруга. – Вот и скажите, зачем учить латынь, если можно колдовать, используя родной язык?

– Я давно знаю, что заклинать можно и на немецком, но латынь нужна, чтобы творить магию в мировом масштабе. Надеюсь, ты догадываешься, что на земном шаре, помимо Германии, есть и другие страны, – не повышая голоса, съязвил Теодорих.

Брюнет хихикнул.

– Нечего скалиться! – напустилась на него Эмма. – А как вам вот это?

Прижав руки к бокам, девочка молча уставилась на бутерброды, а те взлетели вверх и шлёпнулись на появившееся под ними блюдо, раскидав колбасу по столу.

– Вот так штука!

Теодорих с любопытством посмотрел на подругу.

– Как ты это сделала?

– Очень просто: представила все действия поочерёдно, одно за другим.

Мальчик сосредоточил взгляд на кровати в дальнем углу. В воздух взмыла подушка и, пролетев через комнату, врезалась Хельмуту в живот.

– Ой-ёй! – завопил тот.

– Не притворяйся, – восхищённо взглянув на Теодориха, буркнула девочка. – А ты молодец, сразу справился. Мне пришлось тренироваться гораздо дольше.

Подросток довольно улыбнулся.

– Пожалуй, покажу это опекуну.

И добавил негромко:

– Может, мне удастся заслужить его благоволение.

Эмма скривилась.

– Твой опекун типичный аристократишка-консерватор. Такие никогда не придумывают ничего нового, мало того, запрещают любые эксперименты.

– Не говори так, ты его совсем не знаешь, – по-прежнему не повышая голоса, произнёс мальчик. – И, кстати, вспомни, если бы не он, тебя давно не было бы в живых.

От тёти Урсулы он слышал, что именно Виттельсбах спас когда-то подругу, а позже узнал, какую цену тот заплатил. Хотя племянница выжила лишь благодаря Конраду, тётушка не восторгалась братоубийцей, и это заставляло Теодориха мучиться сомнениями.

Его слова не смутили девочку, и она продолжила развивать свою мысль:

– По вине таких, как он, магический мир не может сдвинуться с мёртвой точки из-за старых методов и дурацких предрассудков. Вот скажи, твой герр опекун злой человек?

– Нет.

– Так какого же шута он с рождения принадлежит «Серви ноктис»? Он же не виноват, что предки его были тёмными?

– Но, Эмма, ты не понимаешь, всё гораздо сложнее! – воскликнул Теодорих. – Тёмными не рождаются, ими становятся.

– Как?

– Отняв жизнь у живого существа.

– Бред, бред, бред! – закричала девчонка, топнув ногой. – Если я прихлопну муху, ползущую по моей еде, я же не превращусь в злодейку?

– Перестань кричать! Муха – паразит, её смерть не разрушит твою душу. Под живым существом я подразумевал человека.

В комнате повисла тишина. Даже Эмма закрыла рот.

– Ты хо-хочешь ска-азать, – неожиданно начал заикаться Хельмут, – что твой нас-наставник кого-то у-убил?

Теодорих развёл руками.

– Увы! На его совести смерть родного брата.

– А-а, – в ужасе застонал друг, – как же ты можешь, зная это, его уважать?

– Око за око – таков закон нашего мира, – отстранённо произнёс подросток. – Карл Виттельсбах погубил родителей Эммы и умер от руки их защитника и мстителя.

В голосе его звучала неуверенность, но девочка, подойдя, обняла Теодориха за шею, прижавшись щекой к щеке, и тот почувствовал, что лицо его стало мокрым. Эмма плакала.

– Я начинаю любить твоего опекуна, Тео, – всхлипывая, сказала она, – он – человек. А про запятнанную душу… Да ерунда всё это!

И у мальчика отлегло от сердца.

Разговор затянулся надолго. Ребята спорили до хрипоты, а Хельмут хлопал глазами, с трудом понимая, о чём идёт речь.

Девочка продолжала утверждать, что их сообщество застыло в своём развитии. Она поддерживала негласный кодекс, не позволяющий магам развязать ядерную войну, но во всём остальном, по её мнению, волшебникам стоило изменить отношение к человеческому миру.

Взять хотя бы эти развалины – замки, как в них можно жить? Не лучше ли поселиться в уютном коттедже со всеми удобствами?

Теодорих же утверждал, что крепости – это защитные артефакты, не зря над их стенами колдовали самые могущественные филии и сервиноктисы. Они непроницаемы ни для людей, ни для волшебников и ограждают своих хозяев от любых ударов извне.

Он с горечью напомнил, что если бы его мать воспользовалась советом Конрада и укрылась в стенах *Зоонэка* или Либенштайна, то осталась бы жива.

Замок Зоонэк **находится недалеко от городка-коммуны Трехтингсхаузен на среднем Рейне.**

Эмма не нашла возражений и заговорила о другом. На сей раз темой стали близкородственные браки.

Неугомонная провела исследование, которое оправдывало приток свежей крови в волшебный мир от немагического населения планеты. Если бы не это, уверяла она, маги давно вымерли бы или добрая половина страдала бы слабоумием.

Теодорих внимательно слушал девочку, рассказывающую им о теории наследственности, ведь Рейнштайна всегда интересовало, чем обусловлена хар*а*ктерная яркая внешность опекуна, и почему сам Тео так похож на своего отца.

Но, в конце концов, когда Хельмут, не обладающий научным складом ума, принялся откровенно зевать, а Ирма, свернувшись калачиком на кровати, задремала, друзья решили, что на сегодня с них достаточно.

Попрощавшись с Эммой и её тётей, ребята субвертировали домой, причём Теодориху пришлось проводить Рогге, иначе те обязательно затерялись бы в пространстве.

У стен Фюрстенберга, как всегда, царила тишина. Теодорих поднялся по лестнице и вошёл в комнату.

Опекун находился там, по обыкновению, сидя у камина. Он не заметил прихода воспитанника, а тот вглядывался в лицо мужчины, подмечая произошедшие с тем страшные изменения.

– Герр Виттельсбах! – наконец окликнул он Конрада.

С трудом сфокусировав взгляд на лице мальчика, маг кивнул и махнул рукой на место перед огнём. Подросток опустился на колени у очага.

– Герр Виттельсбах, я должен вам кое-что показать, – неуверенно произнёс он.

Тот снова открыл глаза, в которых светился вопрос.

Повернувшись к камину, Теодорих сосредоточился. Маленький язычок пламени оторвался от места, где родился, и, проплыв по воздуху, опустился на ладонь мальчика.

Впервые за много дней лицо Конрада выразило интерес.

– Повтори! – потребовал он.

Под взглядом воспитанника угол ковра поднялся вверх, и тяжёлое покрытие стало само собой сворачиваться.

– Как ты это делаешь? – оживился опекун.

– Эмма объяснила, что маги, обладающие достаточной силой, могут действовать без заклинаний, в уме рисуя действия, ведущие к нужному результату. Конечно, для этого надо внутренне собраться…

– Эта девчонка Шнайдер чертовски умна, – пробормотал маг.

Устремив взгляд на частично скатанный рулон, Виттельсбах завершил процесс. Хмыкнув, он раскрутил ковёр снова.

– Надо же, – задумчиво произнёс колдун, – и почему же никто не додумался до этого раньше? У твоей подруги большое будущее.

– Но ей пришлось тренироваться, а мне это удалось с первого раза.

– Что ж, значит, как практик, ты сильнее. Её интеллект и твоя мощь…

Мужчина снова опустился в кресло и договорил:

– Вам стоит подумать о браке. И о сильном, умном потомстве.

Теодорих прыснул.

– Но нам лишь тринадцать.

– В средние века женились и раньше.

– Я знаю, что так поступали в королевских семьях, – задумчиво сказал мальчик, – когда того требовали политические интересы. Но зачем такая спешка сейчас?

– Уведут, – коротко ответил опекун.

Закрыв глаза, он откинулся на спинку, добавив:

– Ты гораздо умнее и даровитее, чем я считал.

И погрузился в молчание.

А с губ Теодориха не сходила улыбка. Редчайшее словесное одобрение сурового Виттельсбаха песней звучало в душе.

И мальчик, как все дети, способный быстро забывать о невзгодах, ненадолго поверил в лучшее.

Глава 6

На следующий день Конрад проснулся от ощущения, что ему не хватает воздуха. Ломило грудь и онемело левое плечо.

Осторожно заглянув внутрь себя, чародей увидел, что сердце, до сих пор не дававшее сбоев, раздулось и трепещет. Попытка стабилизации результатов не дала.

Виттельсбах не был знаком с природой сердечных болезней, но догадывался, что любое движение усилит нагрузку, поэтому лежал, не шевелясь, а в голове его снова начали кружить воспоминания. Прогнать их он не смог.

Семнадцатилетние Вольф и Конрад сидели на лугу в высокой траве, прислушиваясь к звонкому голоску перекликающейся с Хорстом Гизелы, по чьему капризу их и занесло сегодня в эти диковатые места. Стрекотали кузнечики, головы палил зной…

– И ни деревца, чтобы укрыться, – недовольно бормотал Майдель, вытирая пот. – Что за фантазия в такую жару развлекаться на открытом месте?

– Не ворчи, – с улыбкой сказал ему Виттельсбах, – посмотри, как здесь красиво.

– Тебе бы всё лютики-цветочки-бабочки, романтик ты наш, – фыркнул собеседник. – А о будущем ты задумывался?

– Да что о нём думать? – удивлённо спросил Конрад. – Нам в университеты не поступать и на службу не устраиваться. Как сложится, так сложится.

– Э, нет…

Вольф сорвал травинку, задумчиво пожевал её и выплюнул.

– Ты – потомок королевской династии. Как ты собираешься сие использовать?

Юноша поморщился.

– Никак. Меня и без того угнетает, что отец отказался от своего отшельничества и пытается приучить сыновей к светской жизни. Эти приёмы, рауты, где на нас смотрят, как на живые реликты… Бог мой! Неуёмное восхищение в лицо и косые взгляды за спиной. Не пожелаешь и врагу.

Виттельсбах передёрнул плечами.

– А самое неприятное, что мне постоянно навязывают «блестящие» партии из семейств Габсбургов, Гогенцоллернов и прочих благородных род*о*в.

– И как? – оживился Майдель.

– Что, как? Большинство кандидаток – фальшивые, жеманные, не блистающие умом девицы. Да что ум, красота и та наносная. А ещё все гораздо старше. Последний раз, например, нам с намёками представили некую Андреа, которой недавно исполнилось двадцать девять.

– Ого-го, – заржал Вольф, повалившись на спину, – связать жизнь с древней старухой – это слишком! А колдуны среди них есть?

– Ну, да, – неохотно ответил Конрад, – я же говорил, что среди отпрысков аристократов много волшебников. И что?

– Как, что?

Молодой маг вскочил.

– Ты понимаешь, какие перспективы это перед тобой открывает. К совершеннолетию твоя магическая мощь достигнет апогея, и эти, танцующие сейчас на балах, придут именно к тебе.

Виттельсбах нахмурился.

– Зачем?

Майдель забегал вокруг приятеля, а потом снова кинулся на траву. Лёжа на животе и глядя в лицо Конраду, он развивал свою мысль:

– Теперешнему русскому дуксу «Серви ноктис» сто шесть лет. Я слышал, старик сильно сдал. Ещё год-другой, и его не станет. Тогда всё магическое сообщество обратится к сильнейшему. А это… Кто? И у тебя есть ещё и то преимущество, что ты являешься потомком королей, а не простым дворянином. Власть может перейти к... Кому? Понимаешь?

Собеседник помрачнел ещё больше.

– Вольфи, я не хочу никакой власти. В свете последних событий даже упоминания о моём происхождении стали меня раздражать. Кроме того, «Серви ноктис» меня не привлекает. Я не хочу входить туда, ясно?

Майдель разинул рот.

– Ты хочешь связаться с филиями – этими слюнтяями, не способными поднять руку на человека даже когда их убивают? Вот уж выбор так выбор, ничего не скажешь!

Конрад поймал прыгнувшего ему на запястье зелёного кузнечика и осторожно посадил того на травинку, любуясь изящным созданием.

– Я, вообще, не желаю ввязываться в политику, Вольф, мне равно претят как жестокость, так и пацифизм. Лучше уж стать инквиетумом. Я хочу жить обычной жизнью: жениться на Гизеле, воспитывать и учить детей, любоваться вот этой красотой…

Он развёл руки в стороны, словно пытаясь заключить в объятия всё, что их окружало.

– А оградить себя и семью от опасности я сумею всегда.

Взгляд Майделя похолодел. Кулак его опустился на замершего кузнечика, превратив несчастное существо в липкое месиво.

– Вот как надо бороться за своё место в мире! – заорал он так, что близ юношей полегла трава. – Ты не сможешь никого защитить, если у тебя не будет желания ударить. Имея возможность стать великим, ты хочешь отказаться от исторической миссии ради романтических бредней...

И язвительно подчеркнул:

– Твоя *светлость*…

Взвившись, Конрад что-то пробормотал сквозь зубы, и Вольф почувствовал, что не может шевельнуть ни одним членом; приятель наложил на него заклятие обездвиживания.

– Не смей делать этого при мне, – угрожающе процедил тот, показывая на останки насекомого. – И возвращаться к этому разговору тоже не вздумай. Я поделился с тобой своими планами, всё будет, как я сказал, и даже не пытайся меня переубедить. *Обтурацио!*

***Обтурацио* (лат. obturatio) – остановить. Прекратить действие какого-либо заклинания.**

Майдель рухнул в траву, со страхом и изумлением глядя на друга, выпрямившегося во весь двухметровый рост и взирающего на него сверху вниз.

Внезапно он почувствовал себя тем самым кузнечиком, над которым навис огромный кулак.

Поёжившись от непривычного ощущения, маг примирительно сказал:

– Ну, прости меня, Кон! Я перегнул палку. Не хочешь, как хочешь, дело твоё.

Виттельсбах расслабился и сел рядом.

– Я люблю тебя, Вольфи, однако меня тревожит твоя нередко неоправданная жестокость. Детство у тебя было несладким, я понимаю, но, поверь, и моё меня не баловало. Оставь ты мысли о власти и наслаждайся жизнью.

Визави покачал головой.

– Каждому своё, Конрад.

Неподалёку прозвучал девичий смех, и Майдель перевёл разговор на другое.

– Кажется, Гизела с Хорстом уже собрали все ромашки на лугу и даже успели погадать на любовь, – хитро улыбнувшись, сказал он.

Друг встревожился.

– И верно, пожалуй, они слишком долго остаются наедине.

– Ревнуешь? – лукаво спросил Вольф.

– Не то чтобы, – смутился Виттельсбах, – но всё же как-то неспокойно.

– Ну, тогда пошли к ним.

И мальчики, вскочив, наперегонки побежали на звук весёлых голосов.

Память вырвала колдуна из этой грёзы и перенесла на два года вперёд в совершенно иное место. В столь болезненном состоянии чародею мог бы привидеться кошмар, но воспоминание оказалось не таким уж плохим – всего лишь отрывок из незначительного, давно прожитого дня.

Зал был залит светом и шумел, словно морские волны. Щебетали дамы, наряженные в вечерние платья от лучших кутюрье мира, беседовали о своём мужчины. И все они ждали появления главной фигуры – хозяина сегодняшнего вечера.

На этом приёме присутствовали и Виттельсбах, приведённый сюда отцом. Конрад мучился от дискомфорта, порождённого классическим костюмом и прочими аксессуарами. Гораздо уютнее он чувствовал бы себя в обычном одеянии – рубашке, брюках и привычном уже плаще. Но светское сборище вряд ли по достоинству оценило бы такой наряд, поэтому приходилось терпеть. Неловкость усиливалась ещё и тем, что молодой маг-воин до сих пор не имел понятия, как себя вести, и боялся совершить промах.

Рихард же, напротив, свободно вступал в беседу то с одним, то с другим, обсуждая проблемы, о которых Конрад не имел понятия, и представлял собеседникам сына.

Мужчины пожимали руку отпрыску дома Виттельсбахов, женщины умилённо смотрели на красивого юношу, а тот чувствовал себя породистой собакой на выгуле, которую каждый норовит погладить.

С каким удовольствием восемнадцатилетний волшебник отправился бы сейчас с Гизелой на берег Рейна или на один из её любимых ромашковых лугов. Искусственные ароматы, фальшивые улыбки, бессмысленные словоизлияния – всё угнетало молодого чародея.

Но Конрад не привык сдаваться. Не желая выглядеть дикарём, стараясь приноровиться к обществу, он улыбался, склонял голову в приветствии и даже пытался поддерживать разговор под благосклонным взглядом отца, довольного его поведением.

И всё же испытал огромное облегчение, когда в зале появилась долгожданная чета владельцев роскошного приюта для избранных, и на него перестали обращать внимание.

Вечер был в разгаре. Поцеловав руку даме, с которой оживлённо беседовал, Рихард вернулся к сыну и взял с подноса бокал вина – третий за сегодня. Глаза его блестели, и чувствовал он себя вполне комфортно.

Несмотря ни на что, Конрад восхищался отцом. В пору юности старший Виттельсбах вёл светский образ жизни и сейчас вновь с наслаждением купался в своей естественной среде обитания.

Глядя на родителя, выросший на воле молодой человек слегка завидовал его свободе обращения в чуждом ему самому мире, который никогда не станет для него родным.

Благодаря редким откровениям Рихарда, сын знал, что женился тот рано, вступив в брак по воле родителей. Жена из испанской ветви Бурбонов тоже оказалась очень юна. Обоим повезло, молодые люди полюбили друг друга.

Конрад помнил те времена. Эстефания оказалась хорошей матерью, и отец тогда вёл себя иначе. Эти счастливые воспоминания о мире и покое, как в семье, так и за стенами их дома,

юноша бережно, словно драгоценный камень, хранил в укромном уголке сознания. О них не знал никто, даже Гизела.

А потом случилась беда. Когда родился Карл, что-то пошло не так, и мама умерла. С тех пор и посуровел Рихард, именно тогда он и отказался от светских развлечений, так нравившихся им с Эстефанией, посвятив себя воспитанию сыновей…

Конрад оторвался от размышлений, когда рядом остановились две юные, как ему сначала показалось, девушки. И изумился, поняв, что одна из них – ровесница отца.

Та представила Виттельсбахам дочь – Габриэле. Рядом с высоким, широкоплечим атлетичным юношей все женщины казались маленькими и хрупкими, но Габи, как называла её мать, перекрывала все стандарты: макушка изящной головки находилась на уровне груди молодого мага, и чтобы поцеловать маленькую ручку, ему пришлось согнуться чуть ли не вдвое.

Несмотря на крохотный рост, Габриэле была такой хорошенькой, что в груди Конрада что-то ёкнуло. И, если бы не его романтическая влюблённость в Гизелу, кто знает, во что вылилось бы это знакомство.

К тому же девушка оказалась очень неглупой, и молодые люди легко поддерживали разговор, находя предостаточно интересных тем. Конрад испытал чувство сожаления, когда старшая дама, окликнув дочь, повела её дальше – вглубь огромного зала.

Чародей вздохнул. С уходом единомышленницы вечер вновь потерял для него свою прелесть. Чувствуя, как в нём растёт раздражение, юноша, взяв с подноса бокал, залпом опорожнил его и немедленно пожалел об этом.

Не знакомый с алкоголем организм отреагировал соответственно и мгновенно. Перед глазами всё закружилось, мысли спутались, гул толпы превратился в рёв огромного чудовища.

Бросив случайный взгляд на белого, как полотно, сына, всё ещё сжимавшего рюмку в руке, Рихард тоже побледнел и, аккуратно миновав человеческие преграды, подхватил того под локоть, удержав от падения.

Колдун осторожно вывел молодого мага на свежий воздух, предусмотрительно наложив заклинания *«эванескунт»* и *«силенциум»*. И вовремя.

Так плохо Конраду не было никогда, и с этого момента он навсегда зарёкся прикасаться к спиртным напиткам. Но самое страшное ждало юношу впереди – гнев отца.

Эванескунт (лат. **evanescunt – исчезнуть). Заклинание невидимости.**
***Силенциум* (лат. silentium – тишина). Заклинание, заглушающее звук.**

– Вы – принц крови изволили сегодня напиться, как сапожник! – ревел Рихард. – И, не подоспей я, какой конфуз, если не сказать позор, ждал бы нашу семью. Невыдержанного потомка Виттельсбахов тошнит на паркет гостеприимных хозяев. Нонсенс!

– Я выпил всего один бокал, – защищался ещё не пришедший в себя Конрад. – И не представлял, к чему это приведёт.

– Что?

Ходивший по комнате отец остановился.

– Всего один? Но почему такая реакция? Для вашего роста и веса бокал – это очень мало.

Сын угрюмо пожал плечами. Рихард долго смотрел на него, а потом сказал:

– Простите меня, Конрад, я не знал. Впредь вам стоит воздерживаться от вина, раз ваш организм его не принимает.

– После такого кошмара… Даже не сомневайтесь, отец.

Взгляд того потеплел. Неожиданно он обратился к юноше на «ты».

– Ничего, к счастью, всё обошлось. Иди спать, сынок, отдохни.

Молодой человек послушно направился к двери, но на пороге остановился и спросил:

– А эта девушка – Габи… С какой целью мать представила её нам?

– С *матримониальной*. Девице пора выходить замуж.

Матримониальный **(от лат. matrimonium – брак) – относящийся к браку, супружеству.**

Отец вздохнул.

– Я заметил, она понравилась тебе, но… Матушка когда-то связала свою жизнь с человеком ниже её по происхождению и потеряла все сословные привилегии. Теперь это обычная средняя дворянская фамилия. Такой брак не сделает тебе чести. Кроме того, она намного старше.

– Как старше? Габриэль показалась мне очень юной.

– Это из-за миниатюрности. Ей почти двадцать семь.

Приняв информацию к сведению, Конрад кивнул и, пожелав Рихарду спокойной ночи, отправился к себе. Его не беспокоило происхождение крохотной Габи, и разница в возрасте не пугала тоже, но Гизела…

До мозга костей романтик, руководствующийся примером отца, сохранившего верность ушедшей Эстефании, юноша не допускал и мысли, что в жизни мужчины может быть не одна женщина.

Глава 7

Тяжесть в груди отпустила, и, с трудом поднявшись, Виттельсбах оделся и направился в гостиную.

Воспитанник уже находился там, на своём привычном месте у камина. Он читал, но когда вошёл опекун, опустил книгу.

– Ты ел? – кивнув мальчику, спросил Конрад.

Тот отрицательно покачал головой.

– *Цибус!*

Цибус **(лат. cibus) – еда.**

На столе появился скромный завтрак. Ребёнок с аппетитом кушал, но сам чародей ничего не коснулся. Заметив это, воспитанник перестал жевать и, торопливо сглотнув, спросил:

– Герр Виттельсбах, вы себя плохо чувствуете?

Остановив на нём безразличный взгляд, маг холодно ответил:

– Тебя это не касается. Сегодня ты будешь заниматься самостоятельно, а я проверю твои достижения позже.

И смежил веки. Но тотчас снова открыл глаза.

– Теодорих, потренируйся в невербальных заклинаниях, что ты использовал вчера. Они могут тебе пригодиться.

– Хорошо, – ответил тот.

Говорить с мальчиком Виттельсбаху не хотелось, других дел не предвиделось, и волшебника вновь затянуло в омут былого.

Однажды утром двадцатидвухлетнего Конрада разбудил Рихард.

– Поднимайтесь, мой сын, вы немедленно отправляетесь в Россию.

Не совсем проснувшийся молодой человек не сразу понял, что происходит.

– Зачем? – сев в постели и зевая, спросил он.

– Умер дукс Алексей Оболенский, и вы должны почтить его память на похоронах.

Рихард был очень оживлён, таким его видели редко.

– Великий день! Великий день! – повторял он. – Теперь вы, Конрад, станете дуксом; сервиноктисы не видят на этом месте никого, кроме вас.

Застонав, молодой маг снова рухнул на кровать, но тотчас вскочил и начал быстро одеваться.

– Из России вы перенесётесь во Флоренцию. Там я нашёл для вас невесту из благородного рода *Медичи*…

Медичи **(итал. Medici) – олигархическое семейство, правители Флоренции.**

– Ради бога, отец!

Юноша швырнул всё, что было в руках, на пол.

– Вы собираетесь возвести меня на престол? Вспомните, наше время ушло, откоролевствовали. Зачем мне всё это?

– Если бы вы хорошо подумали, то сами ответили бы на свой вопрос, – нахмурился Рихард. – Вашему новому статусу должно соответствовать всё, вплоть до мелочей. И женитьба на женщине из аристократической семьи – вопрос престижа.

Конрад сел на край постели и угрюмо посмотрел на собеседника.

– Я не желаю входить в «Серви ноктис» и становиться дуксом. И хорошо подумал, прежде чем вам это сказать.

Повисла гнетущая тишина.

– Вы воспротивитесь воле отца?

В голосе старшего Виттельсбаха прозвучала угроза.

– Да. Сейчас не средние века, и я намерен сам строить свою жизнь.

– Какой позор, – тихо произнёс Рихард. – Мой сын, чьи сила и происхождение открывают перед ним такие потрясающие перспективы, собирается стать инквиетумом. Или филием? – повысил голос он.

– Я не хочу становиться ни филием, ни сервиноктисом. И не вижу ничего ужасного в том, чтобы не принадлежать никому.

– Вы ведь знаете, что такое инквиетум, верно? – закричал отец. – Неприкаянный, не нашедший себя в мире. Вы хотите стать изгоем?

– Я стану им, если все продолжат от меня чего-то требовать: вы, Майдель, флорентийские принцессы и ещё чёрт знает кто.

Голос Конрада загремел:

– Это моя жизнь, и только мне решать, какой она будет!

– Да? Поглядим.

Рихард развернулся, но, не дойдя до двери, кинул вполоборота:

– *Долорем*!

Реакция сына была молниеносной.

– *Дефлектатис*!

***Долорем* (лат. dolorem) – боль. Пыточное болевое заклинание.**
***Дефлектатис* (лат. deflectatis) – в сторону. Отведение боевого заклинания.**

Заклинание отрикошетило от магического щита, зацепив синицу, севшую на каменный карниз окна. Жалобно пискнув, птаха встопорщенным комком свалилась в комнату, вереща и дёргая лапками.

– Обтурацио!

Избавляя несчастное существо от пытки, Конрад отвлёкся и попал под второй удар, швырнувший его на пол. До хруста сжав зубы, он молча корчился в муках.

А отец навис над ним, задавая вопросы:

– Вы отправитесь в Россию?

– Да.

– А во Флоренцию?

– Нет.

– Вы встанете во главе «Серви ноктис»?

– Ни за что! Ни за что!

– Что ж…

Отвернувшись от сына, Рихард вышел, так и не освободив того от заклятья.

Когда сознание юноши уже затуманивалось от боли, в коридоре послышалось:

– Конрад, Конрад!

В комнату вбежал младший брат.

– Конрад… Ох, что с тобой?

– Сними, – не разжимая губ, простонал старший, – «долорем» сними…

– Обтурацио!

Покрытый холодным потом, едва способный двигаться маг протянул руку.

– Спасибо, братик.

– Что здесь произошло? – спросил Карл.

– Я повздорил с отцом, – ответил Конрад.

Поймав панический взгляд младшего, он улыбнулся.

– Не тревожься, мы разберёмся.

И, с усилием поднявшись, продолжил сборы.

– Ты не ссорься с ним, а, – голос Карла дрожал, – он мудрый, ему виднее…

– Что именно виднее? – прервал брат. – Надо ли мне становиться дуксом? Или жениться по расчёту?

– Ты будешь главой наших? Это же такая честь!

Взяв мальчика за плечи, юноша посмотрел тому в глаза.

– Прошу тебя, не вмешивайся в эти дела. Ты ещё слишком мал, чтобы понимать, что есть честь, а что ею не является.

Тихонько оттолкнув младшего, он субвертировал.

Похороны были пышными. Распоряжался церемонией внук покойного дукса Анатолий Оболенский.

Конраду понравился молодой маг. Немногословный и сдержанный, он не походил на среднестатистического сервиноктиса. К гостю он отнёсся тепло и предложил тому расположиться у него в *усадьбе-артефакте Успенское*, выстроенной в виде замка.

***Успенская усадьба* – псевдозамок в стиле поздней готики. Находится в Одинцовском районе, недалеко от Звенигорода.**

Молодые люди быстро нашли общий язык. После бессодержательных светских разговоров речь зашла о смене главы «Серви ноктис», и выяснилось, что Анатолий давно знает, кого прочат на место его деда. И очень удивился, когда Конрад сообщил, что дуксом становиться не собирается.

– Мда, своим отказом вы внесёте некоторую сумятицу в наши ряды, – сказал маг, – Но почему, Конрад?

– Не лежит душа, – просто ответил тот.

– Намерены стать инквиетумом? – усмехнулся собеседник.

– Почему это всех так беспокоит? Я не вижу ничего дурного в том, чтобы держаться подальше от политики.

– Видите ли, – начал Оболенский, – это плохая примета как у светлых, так и у тёмных. Я могу привести примеры, когда магам, отказавшимся занять какую-либо сторону, быстро приходил конец. Как при воздействии одноимённого проклятия.

– А по-моему, это суеверия.

– Поживём, увидим. Однако вы создадите «Серви ноктис» определённые сложности. Волшебников, равных вам по силе, в мире больше нет.

– Ну, значит, дуксом выберут менее сильного мага, – беспечно сказал Конрад.

– С одной стороны, господин Виттельсбах, я понимаю ваше нежелание нырять в эту грязную пучину, но с другой, опасаюсь, не совершаете ли вы ошибку. Вдруг у руля встанет недостойный. Тогда всем нам придётся несладко.

– Будь, что будет! – решительно сказал Оболенскому визави. – А почему бы вам самому не занять место деда?

Анатолий рассмеялся.

– Если бы оно передавалось по наследству, как трон, у меня не осталось бы выбора. Но мою кандидатуру никто не рассматривает всерьёз, для этого у меня недостаточно сил.

Виттельсбах задумался.

– У меня есть друг, – сказал он, – чей магический потенциал очень высок. И он мечтает о власти. Возможно, сервиноктисам стоит обратиться к нему?

– Незавуалированное стремление к власти – тоже плохая примета. Из таких людей нередко получаются диктаторы.

– Н-не думаю. Хотя…

– Как его имя? Он достаточно известен?

– Вряд ли. Вольф Майдель молод, он мой ровесник.

Анатолий внезапно посуровел.

– Майделя знают многие, он уже успел себя показать.

– Вот как?!

Конрад был поражён. В памяти молодого человека неожиданно всплыли слова отца, сказанные о четырнадцатилетнем Вольфе: «Держитесь своего товарища, Конрад, вероятно, в его руках наше будущее». Неужели уже тогда Майдель сделал нечто такое, что заставило «Серви ноктис» его признать.

– Возможно, вам будет неприятно это слышать, – продолжил Оболенский, – но этот человек опасен. Я немного легентем, и это помогает мне разбираться в людях. Уверен, что с таким дуксом нас ждут большие неприятности.

Виттельсбах размышлял, на лоб набежали морщинки. Заметив это, Анатолий сказал:

– Да бог с ним. Вы правы: чему быть, того не миновать. Конрад, хотите, я устрою вам экскурсию по историческим местам России?

– Конечно.

– Что ж, отправимся после обеда.

И молодые люди, оживлённо беседуя, покинули комнату.

Виттельсбах провёл в гостях более недели. Молодые маги подружились, перешли на «ты» и почти не расставались.

Дни их проходили в содержательных беседах и путешествиях. Конрад узнал, что Анатолий долго колебался в выборе стороны и, несмотря на тёмную семью, склонялся к «Филии луцис», поскольку ему претили жестокость и грубость сервиноктисов.

Но судьбу юноши определило нелепейшее и трагическое происшествие. Однажды двое забулдыг, угрожая оружием, попытались ограбить мага, и тот, от испуга и возбуждения не рассчитав удара, убил одного из несчастных на месте.

– Лучше бы я отдал, что он требовал, – сокрушался Оболенский.

Узнав, что на совести Конрада нет жертв, он порадовался за друга, пожелав тому оставаться чистым как можно дольше.

– Когда совершаешь убийство, теряешь покой, – говорил он.

И Виттельсбах разделял его мнение.

За время пребывания в России Конрад свёл знакомство со многими интересными и неординарными людьми.

Единственным, кто вызвал у него неприятие, доходящее до отвращения, оказался Константин Лещевский – туповатый атлет с маленькой уродливой головой. Жеманные манеры, искусственно завитые мышиного цвета волосы и бессмысленные речи отталкивали юношу, однако, видя, что Анатолий, как ни странно, благоволит к идиоту, Виттельсбах мирился с его присутствием.

Но лишь до момента, пока не получил прямое предложение о физической близости.

Маг, обладающий живым воображением, нарисовавшим ему яркую отвратительную картинку, субвертировал с места встречи, и его стошнило.

Оболенский отыскал друга и с искренним сожалением принёс извинения за мерзкую выходку приятеля. Лещевский больше не появлялся, инцидент был забыт, и молодые люди продолжили путешествовать.

Благодаря быстроте перемещений, друзья успели осмотреть многое, и, в первую очередь Анатолий показал Конраду Красную площадь и Кремль.

Гостя восхищало всё. Его, привыкшего к стройному готическому стилю, храмам, устремлённым к небу, русская архитектура поразила особой, хотя и несколько приземлённой духовностью.

Конраду порой хотелось встать на колени и молиться, умилённо переосмысливая жизнь. Однажды чародей едва не поддался порыву, но, представив, как это будет выглядеть со стороны, отказался от своего намерения.

Сильно смутил его Мавзолей. Более чувствительный, чем люди, маг ощущал внутри – рядом с мумией какую-то угрозу. Анатолию тоже стало не по себе.

Он признался, что впервые посетил гранитную гробницу и сейчас не может избавиться от чувства, что вокруг них сгущается мрак, наполненный незнакомой сверхъестественной энергией.

Похожие ощущения испытывал и Конрад. Он знал, что с какими бы благими намерениями не оставалось незахороненным тело, это никогда не доводило до добра.

В конце концов, когда ужас окончательно затуманил умы магов, они поспешно покинули страшное место.

Оболенский привёл Виттельсбаха и в знаменитую Третьяковскую галерею. Хорошо знакомый с западной живописью волшебник открывал для себя русских художников.

В душе Конрада сменяли друг друга молитвенное настроение, ранее возникавшее у него рядом с церквями, и тянущая тоска, когда ему хотелось рыдать в голос и биться головой о стены.

Позже он поинтересовался у Анатолия:

– Почему русская живопись оказывает такое сильное воздействие на наблюдателя?

– Не только живопись, но и литература, если читать её в подлиннике, – ответил тот. – Россия всегда жила душой, а душа – тонкая материя. Когда человек видит вокруг серую унылую действительность, войны и другие бедствия, душа страдает, и это отражается в произведениях искусства. А в отношении бед русские – самый искушённый народ. Мрачные допетровские времена наложили отпечаток на жителей страны. Крепостничество, когда людей продавали, дарили, обменивали, как вещи, тоже взрастило свои плоды. Пьянство, нечистота, сквернословие – всё это физические последствия кривобокого развития нашего общества.

– Но ведь и у нас было крепостничество, – недоумевал Конрад, – однако мы другие.

– У вас это закончилось гораздо раньше. Уже в пятнадцатом веке на западе пытались отменить кабалу. В России же это произошло в конце девятнадцатого. Четыре столетия – большой срок. Если хочешь понять, что мы собой представляем, тебе ст*о*ит внимательно ознакомиться с нашей историей, вплоть до современной. И не только книжной. В семьях магов сведения изустно передаются из поколения в поколение и более достоверны, чем научные изыскания.

– Я так и сделаю, – согласился Виттельсбах.

Волшебники посетили Владимир, Суздаль, Ярославль, Кострому, Ростов, Углич, Санкт–Петербург, Новгород. Конрад получил такое количество информации, что, казалось, систематизировать её придётся всю жизнь.

Но всё хорошее когда-нибудь кончается, и настала пора возвращаться на родину.

Чародея ждало объяснение с отцом и представителями «Серви ноктис», а кроме того, юноша очень скучал по Гизеле, с которой ему давно не удавалось встретиться.

Попрощавшись с Анатолием, молодой маг, почти не напрягаясь, одним мощным субвертатом перебросил себя в город Гейдельберг к дому любимой девушки.

Глава 8

Дверь открыла мать Гизелы. Она странно посмотрела на гостя, но внутрь впустила. Конрада почему-то очень встревожил этот взгляд.

Миновав анфиладу знакомых комнат, юноша увидел ту, что была ему жизненно необходима.

– Гизела!

Вскрикнув, она вскочила.

Виттельсбах сделал шаг вперёд, но подруга попятилась и отступала, пока на пути её не оказалась стена.

– Гиз, что случилось? Ты словно не узнаёшь меня?

Она сползла на пол и, закрыв лицо руками, зарыдала.

Маг растерялся. Подойдя к девушке, он попытался обнять её, но та оттолкнула его руки.

– Уходи, – истерично выкрикнула Гизела, – и никогда здесь не появляйся!

Конрад сел в кресло.

– Я подожду, пока ты успокоишься, милая. А потом ты расскажешь, что произошло, и объяснишь, в чём я перед тобой виноват.

Шли минуты, рыдания понемногу стихали. Гизела подняла голову.

– Ты исчез на несколько месяцев, – всхлипывая, заговорила она, – ходили слухи, что ты вот-вот займёшь место дукса. Я чувствовала себя такой одинокой…

– Прости, я не мог…

– Выслушай меня, – неожиданно твёрдо сказала волшебница. – Ты не давал о себе знать, я плакала дни и ночи. А он отвлёк меня, помог прийти в себя…

– Он?

Виттельсбах недобро нахмурил брови. Гизела потупила взгляд, но договорила:

– Мы не должны больше видеться, Кон. Я беременна от Хорста. И мы собираемся пожениться.

Маг вскочил. Такого страшного выражения девушка не видела у него никогда. Она закрыла глаза в ожидании немедленной смерти.

– От Хорста? Да как он посмел дотронуться до тебя?! Я убью это ничтожество!

– Нет, нет, прошу тебя, умоляю, не надо! Я люблю его!

Огонь погас так же быстро, как и разгорелся.

– Ты его… Что? Любишь? Это безмозглое, трусливое существо? За что? Какие достоинства ты в нём нашла?

– Он любит меня.

– Вот как! А как, по-твоему, я к тебе относился? Всё это ловкие увёртки, дорогая. Я отсутствовал не годы, а лишь несколько месяцев. Ты знала о моих чувствах, была уверена в них и не смогла меня дождаться, бросившись на шею первому, кто оказался ближе. Какова же цена женской верности, а, Гизела? Я запомню, что она стоит недорого.

Презрительная гримаса исказила лицо мага, он резко развернулся и вышел, аккуратно закрыв дверь. Проходя мимо перепуганных родителей изменщицы, юноша вежливо поклонился и субвертировал к родному замку.

Дом встретил Конрада напряжённой тишиной.

Едва он вошёл в гостиную, навстречу шагнул Рихард. Карл сидел в дальнем углу, прячась в тенях.

– Вы что-нибудь решили, сын?

Не отвечая, молодой маг подошёл к братишке и повернул его к свету.

Лицо мальчика походило на огромный кровоподтёк, переливающийся всеми цветами радуги. Старший молча взял младшего за руку и вывел в центр помещения.

– Если вы позволите себе сотворить подобное со мной или с ним ещё раз, – сказал он Рихарду, – я забуду, что вы мой отец. Жестокость не к лицу даже слуге ночи. С меня довольно унижений, и Карлу они тоже не пойдут на пользу.

Колдун прирос к месту от такой дерзости. Но когда Конрад подтолкнул ребёнка к двери, опомнился.

– Как смеешь ты – мальчишка?! Доло…

Сильнейший шквал магии налетел на старшего Виттельсбаха, и тот еле устоял на ногах.

– Осторожнее!

Глаза сына загорелись недобрым огнём.

– Осторожнее! – повторил он. – Я вас предупредил. И не советую проверять, сдержу ли я слово.

На пороге Конрад остановился и, обернувшись, небрежно бросил:

– Ах, да, чуть не забыл. Дуксом я не стану и на флорентийской шлюхе из рода отравителей не женюсь. Спокойной ночи, отец.

Увлекая за собою Карла, он вышел, не оглянувшись на взбешенного, но устрашённого этим бунтом Рихарда.

Уложив брата в постель и поколдовав над его синяками, юноша заперся в своей комнате и не появлялся оттуда неделю. Что происходило внутри, не знал никто.

Когда же дверь, наконец, открылась, выпуская мага, лицо того было спокойно и мягко, как и раньше. Лишь улыбка его теперь ценилась на вес золота, настолько редко она появлялась на губах молодого человека. За время добровольного затворничества на свет родился новый Конрад Виттельсбах.

Через месяц после этих событий Гизела вышла замуж за Хорста, а ещё через два, поддержанный многими, в том числе и Рихардом, во главе «Серви ноктис» встал Вольф Майдель, позже взявший имя Морсатр.

И снова, как это часто бывало, вырвав Конрада из одного периода жизни, память переместила его в другой.

Он стоял у Гейдельбергского замка. Вечерело. Виттельсбах, намеревавшийся войти внутрь, услышал, что его окликают.

Повернувшись, он оказался лицом к лицу с Хорстом фон Рейнштайном. Тот выглядел испуганным.

Увидев недруга так близко, маг занёс руку для удара, но, глубоко вдохнув и выдохнув, подавил эмоции и спросил:

– Что ты здесь делаешь? И что тебе от меня надо?

Не глядя ему в лицо, Хорст залепетал:

– Конрад, я знаю, что виноват перед тобой, но сейчас не время сводить счёты. Стряслась беда, мне нужна помощь сильного мага.

Виттельсбах напрягся.

– Что-то с Гизелой?

– Что? А-а, нет, с ней всё в порядке. Тут у замка.... В общем... Пожалуйста, помоги…

– Если с твоей женой ничего не случилось, с остальным справляйся сам. И радуйся, что ещё жив.

Отвернувшись от дрожащего блондина, Конрад шагнул в калитку, но его вновь остановил ненавистный голос:

– За замком умирает девочка. Мне не хватает сил на лечение её увечий.

Виттельсбах резко повернулся к трясущемуся, словно в лихорадке, Рейнштайну.

– Как она там оказалась?

– Не знаю.

– Показывай дорогу. Но если это ловушка, тебе не поздоровится.

– Что ты, Кон, кто же решится напасть на сильнейшего. Ведь ты…

– Она человек или маг? – прервал его излияния волшебник.

– Человек.

– Тогда я едва ли смогу помочь, – с сомнением пробормотал Конрад, – людской организм не переносит нашего вмешательства…

Крики ребёнка, напоминающие вопли смертельно раненого зверя, он услышал издалека. Мурашки побежали по спине Виттельсбаха, чародей напрягся, а когда увидел малышку, почти поверил, что спит, и ему снится кошмар. Что же могло так изувечить девочку?

Встав на колени, маг простёр руки над телом и зашептал, пытаясь не слушать, но слыша. Побледневшее лицо было сосредоточено. Через пару минут он поднялся и покачал головой.

– Я бессилен. Все жизненно важные органы повреждены необратимым заклятием. Это работа колдуна…

И с подозрением посмотрел на Рейнштайна.

– Что ты, что ты! – замахав руками, воскликнул тот. – Если бы это сделал я, то не повёл бы тебя сюда.

– Тогда зачем ты здесь?

– Хотел поговорить с тобой, объясниться. Субвертировал и услышал шум…

– Верится с трудом.

А девочка никак не хотела умирать, её крики и стоны леденили сердце Конрада. Страдания любого живого существа причиняли ему боль, а уж если это был человек, тем более ребёнок…

– Рейнштайн, убей её, прошу!

– Нет…

Тот попятился.

– Ты уже тёмный, тебе нечего терять. Я не хочу пятнать свою душу. Освободи её, она же мучается.

– Нет, нет, – закричал Хорст, – я не могу!

И, как заяц, петляя между камней, бросился бежать.

Помедлив, Виттельсбах снова встал на колени рядом с изломанным тельцем. С минуту он простоял так, опустив голову. Губы его шевелились, словно молодой маг шептал молитву.

Потом он протянул руку.

– Прости, малышка, что не сумел спасти. Целеремортем!

Вопли стихли. Несколько раз дёрнувшись, ребёнок замер навсегда.

Конрад поднялся. Лицо его побледнело ещё больше.

Он подумал, что надо бы вернуть тело родителям, но не знал, где их искать. Жалость к несчастным, потерявшим дочь, сжимала сердце чародея. Однако что он мог изменить?

Заклинанием *«фодере»* волшебник выкопал могилу и с помощью *«воларе»*, опустил туда труп.

До момента, пока земля не сомкнулась над девочкой, он не позволял себе понять, что сотворил сейчас со своей жизнью. Но вскоре осознание катастрофы тяжело рухнуло на плечи мага, заставив его пошатнуться; судьбы тёмного избежать не удалось.

***Фодере* (лат. fodere) – копать.**
***Воларе* (лат. volare) – лети. Левитация с передвижением.**

Долг Хорста вырос настолько, что тот едва ли когда-нибудь сумел бы расплатиться.

Первым порывом Виттельсбаха стало – переместиться в Рейнштайн и убить его владельца. Но, вспомнив о Гизеле, он отказался от своего намерения. Та любила мерзавца, и маг не мог причинить ей боль.

В замок Конрад не пошёл. Всю ночь он метался над ним и городом в бесконечной субвертации, но утихомирить бурю в душе не сумел ни тогда, ни потом. А через пару недель чародея навестил ещё один друг детства, носящий ныне имя Морсатр.

Глава 9

Ожесточённый предательством Гизелы Конрад перестал относиться к женщинам, как к высшим существам. Подстёгиваемый обидой и озлоблением, молодой маг начал вести образ жизни, изматывающий его, но создающий иллюзию осуществленной мести.

Позже Виттельсбах признавался, что это было глупой ребяческой бравадой, но в то время использовал всех, кто, на свою беду, попадался ему на пути. Конрад не тратил силы на обольщение жертв, женщины сами бросались на шею красавцу-чародею, а он, насладившись их телами, откидывал каждую, как использованную салфетку.

Мага не интересовал ни возраст, ни общественное положение; проведя час с сорокалетней дамой из высшего общества, он вскоре укладывал на спину восемнадцатилетнюю простушку. И ни та, ни другая не удостаивались повторного визита.

Сил хватало на всех, Конрад был молод и крепок.

Но однажды чародей столкнулся с сопротивлением. Он не сомневался, что понравился девятнадцатилетней Марии, но девушка не хотела уступать.

Заинтригованный этой, как он считал, игрой, маг даже вышел за рамки им самим установленных правил, ухаживая за неприступной. Конрада изумляла её стойкость, и он невольно почувствовал навсегда, как он думал, исчезнувшее уважение к женской чистоте.

Миновал месяц, а Виттельсбах находился всё так же далеко от цели, как и в момент знакомства, что подстёгивало его ещё больше.

И, наконец, наступила минута, когда он почти осуществил свой план. Провожая Марию, Конрад заметил, что окна её дома темны. А это значило, что сегодня девушка ночует одна. Та колебалась, но всё же пригласила мага войти.

О произошедшем после волшебник всегда вспоминал, краснея от жгучего чувства стыда. Для сильного мужчины не составило труда справиться с хрупким существом, но когда полуобнажённая, сопротивляющаяся жертва закричала от боли, чародей словно увидел себя со стороны.

Возбуждение разом схлынуло, оставив лишь отвращение к себе и своему поведению.

Как такое могло произойти с ним, никогда и никому не причинявшим вреда? Его заставили страдать, но в чём виновата эта несчастная девочка? Почему она должна расплачиваться за чужие ошибки? И как он посмел отнестись к человеку, как к вещи?

Конрада потрясло собственное падение. Осторожно укутав девушку покрывалом, он взял её на руки и долго укачивал, как ребёнка, повторяя:

– Прости! Прости меня!

И держал до момента, пока та не перестала дрожать и не прижалась доверчиво к его груди, обхватив рукой за шею.

Нежными прикосновениями маг принялся лечить им же самим нанесённые повреждения, а Мария смотрела на молодого человека широко открытыми глазами, в которых не отражалось ни страха, ни удивления его способностями.

Когда же он закончил врачевать, девушка, приняв решение, скинула покров. Ночь была восхитительной: без злобной страсти, некогда доставлявшей чародею мстительное удовольствие, наполненная нежностью и ещё чем-то неуловимо прекрасным. И Конрад не смог уйти.

Миновали два месяца, и однажды Мария спросила:

– Мой прекрасный принц, кто такая Гизела?

Он отшатнулся.

– Откуда ты...

Мария ответила грустно:

– Иногда ты называешь меня этим именем.

Маг ахнул. Ещё одна жестокость, неосознанная, но болезненная для подруги.

Что Конрад мог ответить? Лгать он не умел. И, не вдаваясь в подробности, объяснил:

– Это женщина, которую я любил. Но она предпочла мне другого.

– Мне жаль, – тихо сказала Мария. – Она просто не понимала, какое сокровище теряет.

И, обняв мужчину, прошептала ему в плечо:

– Я люблю тебя!

Конрад был противен самому себе. Не желая причинять девушке лишнюю боль, он промолчал, отвлекая её поцелуями. И с этой минуты следил за словами, срывающимися с губ в мгновения страсти.

А вскоре в его жизни появились Морсатр и «Серви ноктис». Виттельсбах ушёл, пообещав Марии:

– Я вернусь...

Он вернулся через год. Чародей стоял на пороге, боясь постучать, но, наконец, решился. Открыла ему молодая светловолосая женщина.

У Конрада возникло дежа вю: не слишком давно он так же вошёл в другой дом, где его ждало разочарование. И маг не ошибся, предполагая худшее.

– Два месяца назад их семья уехала, – сообщила незнакомка. – Ребёнок сильно болел и нуждался в морском воздухе, вот они и переселились за рубеж.

– Ребёнок? – недоумевая, переспросил Конрад. – Чей ребёнок?

– Той молодой женщины – Марии. Сынишка появился на свет очень слабеньким.

– Спасибо, – прошептал чародей.

Когда дверь захлопнулась, он долго стоял, опершись об ограду, не в силах двинуться с места.

У Марии родился малыш – его сын! Безумная радость боролась в душе Конрада с опасениями, что он не сумеет отыскать подругу. Боги великие, да он даже не знал её фамилии!

Предвидения мага оправдались; найти безымянную семью за границей оказалось невозможным даже с магическими способностями. Мария с сыном были потеряны для Конрада навсегда.

Скрипнув зубами, Виттельсбах переместился в другой отрезок прошлого. Он видел Майделя во всей его красе.

– Ты поражаешь меня, Кон!

Вольф метался между окнами и дверями гостиной Гейдельбергского замка.

– Казалось бы, твоё предназначение ясно, и всё же ты по-прежнему отказываешься присоединиться к «Серви ноктис». Но если уж мы так тебе ненавистны, почему ты не с филиями?

– Я – тёмный, – угрюмо отвечал Виттельсбах, – там мне не место.

– Значит, ты должен быть с нами…

– Я никому ничего не должен…

Подобные разговоры повторялись еженедельно в течение полугода после первого визита Вольфа.

– Конрад, послушай, ты мне нужен. Я не предлагаю тебе участвовать в операциях. Но иногда необходимо, чтобы кто-то свежим взглядом посмотрел на ту или иную ситуацию со стороны. Ты мог бы стать моим советником. Это ни к чему тебя не обяжет, и ты уйдёшь, когда захочешь.

– Это правда? Ты обещаешь?

– Ну, конечно же…

« …Нет», – добавил про себя Морсатр и продолжил вслух:

– Ты мой друг, Кон. Признаю, я не всегда вёл себя корректно, тебе есть на что обижаться, но сейчас меня всерьёз беспокоит твоё затворничество. Ты ведь не часто видишься даже с отцом и братом, не так ли?

– Точнее, они не жаждут встреч с инквиетумом.

Майдель печально взглянул на товарища.

– Я же говорил тебе, что стезя неприкаянного гибельна. И это нужно оставить в прошлом. Позволь помочь тебе вернуться к жизни, принять в ней активное участие…

– Под личиной тёмного? Не вариант.

Морсатр взорвался:

– Как знаешь! Я устал тебя уговаривать. Ты просто боишься. Прятаться от мира – трусость!

Глаза Виттельсбаха засверкали.

– Я никогда не был трусом, никогда не уклонялся от боя! – зарычал он.

– От боя, возможно. А от жизни? Это тоже сражение, и его надо выиграть. С чего ты взял, что всё и всегда будет получаться, как ты задумал? Иногда приходится мириться с неудачами, чтобы, в конце концов, добиться своего.

Конрад с удивлением смотрел на Майделя. Казалось, Вольф вполне искренен и, действительно, хочет его поддержать.

Позже маг признавался Лёвенштайну, что в тот период беспросветного существования встряхнул его именно дукс. Он сумел найти нужные слова и вывести чародея, как ни парадоксально, на свет ночи. Чем бы ни руководствовался тогда Майдель, он поступил по-дружески, и Виттельсбах, поверив ему, оказался в рядах «Серви ноктис».

Свою ошибку он осознал менее чем через год. Морсатр, не нуждающийся в подсказках, не интересовался мнением товарища, требовал крови, и между двумя сильнейшими начались бесконечные баталии:

Майдель едва ли не ежедневно отдавал Виттельсбаху жёсткие приказы, а тот отказывался их выполнять. Отношения стали натянутыми, каждый из противников старался задеть другого, и всё-таки сдаваться обстоятельствам и уходить Конрад не спешил, считая бегство недостойным финалом.

Однако номинальность должности советника чародей чувствовал всё острее. Его планы Морсатра не занимали, поправки к операциям игнорировались, со всеми вопросами сервиноктисы шли не к Виттельсбаху, а напрямую к дуксу. И, в конце концов, Конрад решил, что инквиетум – это не образ жизни, а предназначение.

Обречённый на непонятость, он стал всё реже появляться в Эренфельзе, не отвечая даже на зов оттуда. Именно тогда маг сблизился с иллюминасом «Филии луцис». Сейчас, когда чародея ещё тянуло к общению с близкими по духу людьми, такого человека он и нашёл в Лёвенштайне.

Искушённый старик поначалу с недоверием отнёсся к молодому колдуну, но, пообщавшись с ним, изменил точку зрения. Тёмный маг оказался не тёмным. Даже в некоторых светлых гнездилось больше мрака, чем в этом заблудившемся молодом человеке.

Волшебник ломал голову, как вывести несчастного на путь истинный.

Проблема заключалась в том, что при всех достоинствах: храбрости, правдолюбии, разумном романтизме, умении сопереживать, а также уме и образованности в голове Конрада была полная каша из понятий чести, преданности и мужества, нелепость части которых подкреплялась неимоверным упрямством и непоколебимой уверенностью в своей правоте. Из этого выстраивались цепочки, не позволяющие иллюминасу воздействовать на чародея.

Тот считал, к примеру, что если руки его однажды обагрила кровь, то он тёмный. Тёмный маг принадлежит ночи, значит, должен ей служить. А если так, то не имеет морального права активно помогать свету.

Потому-то Виттельсбах и встретил в штыки предложение Лёвенштайна стать перебежчиком и заняться шпионской деятельностью. Предательства, как он его понимал, кодекс чести чародея не допускал.

Отчаявшись, иллюминас предложил романтический выход. Формально оставаясь слугой ночи, Конрад мог заниматься тем, что дарило бы ему вдохновение. Например, строить замки, как его предок Людвиг Баварский или писать музыку, стихи, книги. Или, наконец, заниматься научной работой, приносящей пользу магическому сообществу и человечеству в целом.

Чародей загорелся этими идеями. Правда, композицию Виттельсбах отверг сразу, поскольку дурно владел музыкальными инструментами, влечения к поэзии, после того как попрали его чувства, маг не испытывал, а проза совершенно не привлекала.

Мысль о зодчестве занимала его немного дольше, но, в конце концов, Конрад пришёл к выводу, что, пожалуй, время возведения замков прошло.

Учёные изыскания стали оптимальным занятием для мощного ума волшебника. Шорох страниц фолиантов, скрип пера, выстраивание разрозненных информационных обрывков в единое стройное целое – всё это ненадолго успокоило мага, но…

Опомнившийся Морсатр выдернул советника из мира формул, выкладок и исторических тем, лишив того возможности проявить себя, а мир – новых открытий.

Сообразив, что он сам препятствует осуществлению собственных планов, отталкивая от себя того, в ком более всего нуждается, Майдель разыскал Конрада и чуть ли не силой доставил в свою резиденцию. Он умел быть убедительным, и Виттельсбах, хотя и не полностью, но снова поверил дуксу.

Это и стало началом его конца. Возвращение в «Серви ноктис» на некоторое время прервало его дружбу с иллюминасом, к которому он вновь пришёл в трагический день, когда погиб его брат.

Не желая снова вспоминать об этом, Конрад стряхнул липкую паутину кошмаров и очутился в настоящем.

Теодорих, вероятнее всего, находился с друзьями в Майнце, но мага это не волновало. Он не умел беспокоиться за мальчишку, тревогу могло вызвать только происшествие, угрожающее жизни и здоровью подростка. Как бы равнодушно Виттельсбах не относился к воспитаннику, свою клятву Гизеле он помнил.

Размяв затекшие конечности, чародей завернулся в плащ и поднялся на стену замка. Где-то там – вдалеке кипела жизнь, не тревожа размеренного отшельнического прозябания инквиетума. Скоро туда уйдёт и Теодорих.

На миг Конраду стало досадно, что он не увидит этого. Ему хотелось бы знать, хорошо ли он подготовил мальчика к жестокой действительности. Но каждому предназначалось своё: кому-то жить, а кому-то умирать, как происходило всегда.

Глядя на ворота Фюрстенберга, он вспомнил, как они, неожиданно для самих себя, покинули прежнее обиталище и оказались здесь.

Последней каплей стал очередной прорыв магической защиты Гейдельбергского замка заблудившимся экскурсантом. В отличие от прочих, тот принял колдуна не за призрак, а за аниматора, что очень оскорбило Виттельсбаха, который охотнее остался бы для стада туристов привидением, чем стал лицедеем.

Отвязавшись от назойливого иностранца, он приказал Теодориху собрать всё, что тому понадобится на новом месте, и субвертировал с мальчиком к недавно приобретённому жилищу. С помощью магических пропускных слов они открыли калитку и уже собирались войти, как вдруг…

– Так, так, – язвительно произнёс знакомый голос, – надо же, предатели спокойно ходят по земле Германии, не боясь мести. Долго же мне пришлось ждать, когда медведь высунет нос из берлоги.

Не оборачиваясь, Конрад толкнул мальчика в тёмный проём.

– Иди внутрь. Да не вздумай высовываться!

Он отпрыгнул в сторону, увернувшись от посланного в него «секаре», и выкинул вперёд руку в ответном жесте.

– *Долорем*!

– *Эксплосион!*

– *Ретро!*

***Эксплосион* (лат. explosion) – взрыв.**
***Ретро* (лат. retro) – назад. Возвращающее заклинание.**

Вернувшимся взрывом Морсатра сплющило и швырнуло на землю. Пока тот приходил в себя, Виттельсбах повернулся, чтобы открыть дверь, и…

И в этот момент его ударили в спину.

– *Инквиетум*!

***Инквиетум* (от лат. inquieta – неприкаяный) – проклятие, вызывающее стремительное старение и преждевременную смерть.**

Всё вокруг стремительно завертелось и замерло. Конрад повернулся к поднимавшемуся с земли Майделю.

Тот оскалился, изображая улыбку.

– Ты же хотел стать неприкаянным, Кон. И я тебе помог, правда, по-своему. Любопытно, понравится ли тебе, уже отверженному, стремительное угасание?

– Ничего не имею против, – искренне ответил маг, – и даже скажу тебе спасибо. После того что ты сотворил с моей жизнью, поблагодарить тебя я могу лишь за смерть.

Взглянув на ошарашенное лицо дукса, Виттельсбах расхохотался.

– Вот, прими от меня подарок, – всё ещё смеясь, произнёс он. – Секаре!

Взвыв и схватившись за рассечённое плечо, Морсатр снова отлетел назад, а его противник, насмешливо улыбаясь, сделал книксен и исчез в мрачном чреве замка.

Оказавшись в жилом доме и вызвав свет, маг подошёл к старинному зеркалу.

Он рассматривал своё лицо, на котором пока не было заметно никаких изменений. Но проклятие медленно и верно в течение двух-трёх лет разрушит то, что сейчас выглядит так молодо.

Подумав об этом, Конрад на секунду почувствовал жгучее желание перенестись к друзьям в Либенштайн, чтобы прервать процесс затяжного распада. Но безразличие к жизни удержало его, и он безотрывно всматривался в вечное стекло, отражавшее его, которого скоро не станет.

– Что такое инквиетум? – прозвучало за спиной Виттельсбаха.

– Пока тебе незачем это знать, – не отрываясь от созерцания, ответил тот. – Поднимись наверх и выбери комнату. Я займу любую другую. *Игнис!*

***Игнис* (лат. ignis) – огонь.**

На стенах вспыхнули факелы, но светлее от этого не стало. Пугливо косясь на тени в углах, мальчик поднялся по лестнице, а маг стоял у зеркала до тех пор, пока наверху что-то не грохнуло, и не раздался вопль.

«С новосельем!» – поздравил себя Конрад и взлетел по ступенькам.

Теодорих сидел посреди коридора, потирая лоб. В темноте он наскочил на проржавевшие рыцарские доспехи, обрушив те на себя.

Пискнув, ребёнок поднял дрожащую руку и показал на приоткрытую дверь, за которой, словно в *пляске святого Витта,* подпрыгивало и извивалось что-то белое.

***Пляска святого Витта* – хорея – заболевание сопровождающееся отрывистыми, беспорядочными движениями.**

– Там…

У мальчишки пропал голос.

– Какой же старый замок без привидений, – усмехнулся опекун. – Наверное, и здесь кто-то исполняет роль, которую мы с тобой играли в Гейдельберге…

Скривившись, он договорил:

– Аниматоров.

Одним движением подняв воспитанника с пола и взяв за плечи, маг подтолкнул его к дверному проёму. И крепче сжал пальцы, почувствовав, что мышцы Теодориха свело от напряжения.

Войдя внутрь, оба увидели пляшущую от лёгкого ветерка белую простыню, заменяющую занавеску.

– Тебе не стыдно? – ровно спросил Виттельсбах. – Похоже, ты намерен подражать отцу и всю жизнь трястись от страха?

Покраснев, мальчик опустил голову.

– Выбери комнату и ложись спать, – повторил чародей и, сорвав белое полотнище, кинул его на пол.

Придя в себя, Конрад осознал, что уже стемнело и накрапывает дождь. Пожав плечами, он плотнее закутался в плащ и спустился вниз.

Теодорих вернулся в замок и листал книгу, сидя у камина.

Остававшийся под впечатлением недавнего воспоминания Виттельсбах, остановившись в дверях, рассматривал мальчика. Да, подросток походил на родителя, но только лицом. Стать у него была другая. Впрочем, какая разница, тот ли, этот – одна порода.

Одёрнув себя, маг сел в кресло и снова посмотрел на воспитанника, ответившего ему недоумевающим взглядом.

Махнув рукой, Конрад отвернулся и, опершись о подлокотник, задумался. На сей раз о событиях, произошедших после проклятой ночи, отмеченной смертью Карла.

Глава 10

Морсатр нервничал. Почти час его армия стояла у Трехтингсхаузена, готовясь к штурму, но за это время в окнах домов не мелькнуло ни огонька, ни шороха не прозвучало в тишине, нарушаемой лишь плеском воды. Коммуна словно вымерла.

Майдель сожалел, что не может отойти в сторону, поскольку сам отдал приказ создать хаос и посеять панику в маленьких городках Германии. Но почему он решил, что его место именно здесь? Дукс мог выбрать любое другое поселение и наслаждаться сейчас своей властью над беспомощными людьми.

Поразмыслив, он выслал разведку. Чёрные тени сервиноктисов скользнули за границу городка, люди спешили выполнить приказ. Прошло десять минут, и растерянные тёмные, вернувшись, ошеломили дукса вестью, что коммуна пуста.

Изумлённый колдун осмысливал полученные сведения, а на границе Трехтингсхаузена один за другим появлялись слуги ночи.

«Морсатр, Ассманнсхаузен пуст. В Карп-Борнховене не осталось ни одного человека», – звучали донесения.

Из всех точек, где намечались военные действия, прибывали новые гонцы. Они приносили неутешительные известия, смысл которых сводился к одному: операция провалена.

Майдель пришёл в ярость, недоумевая, как филиям удалось разгадать его, казалось бы, безупречный план. Занятый своими переживаниями, он не заметил на стене замка Райхенштайн облачённую в чёрный плащ высокую фигуру. Некоторое время наблюдатель с усмешкой смотрел на суету вокруг Трехтингсхаузена, а после бесшумно исчез, растворившись в темноте.

Вне себя от бешенства дукс метался по гостиной Эренфельза. Оробевшие сервиноктисы, входившие в ближайший круг Морсатра следили за движениями хозяина, боясь шевельнуться или опустить глаза.

Только Виттельсбах оставался спокойным. Он тоже не отводил взгляда от нарезающего круги по помещению Вольфа, но в нём был не страх, а лёгкая ирония.

– Среди нас появился предатель! – завопил Майдель, заставив стёкла и хрустальные подвески люстр жалобно зазвенеть. – Вы, только вы присутствовали здесь при разработке плана. И один из вас продался филиям. Может это ты, Ганс? Или ты, Оскар? А-а, ожидать этого, пожалуй, стоило бы от тебя, Конрад…

Взгляд чародея из ироничного стал презрительным. Он фыркнул и демонстративно отвернулся.

– Нет, я ошибся. У Виттельсбаха особый кодекс чести, который не позволит ему стать изменником, даже если он со мной не солидарен. Значит, кто-то из вас семерых донёс о нашей операции светлым, чтобы те приняли меры. И я узнаю, кто…

– Морсатр…

Тот замер.

– Что?

– Как ты собираешься это выяснить? – пренебрежительным тоном полюбопытствовал Виттельсбах. – Совет состоит из девяти человек, включая нас с тобой. – Ты не боишься, что дискредитируешь, в первую очередь, самого себя?

Майдель пристально посмотрел на советника.

– Что ты имеешь в виду? Объясни.

– Объясняю. Ты тоже входишь в число решавших судьбу поселений. И, как всем известно, молчаливостью не отличаешься. Возможно, именно ты поделился идеей там, где предостаточно

чужих ушей. Начнёшь расследование, и среди слуг ночи пойдут слухи, что дукс не умеет держать язык за зубами?

– Что ты городишь? – наклонившись к магу, угрожающе зашипел Вольф.

Тот слегка отстранился.

– Я, как и ты, рассматриваю все варианты. И не нависай надо мной, ты оккупируешь моё жизненное пространство.

– Да я… Я тебя в порошок сотру!

– Попробуй!

Два колдуна мерили друг друга взглядами, один из которых горел злобой, а другой светился откровенной насмешкой. И последнее выводило Морсатра из себя. Невозмутимость Виттельсбаха всегда заставляла Вольфа пасовать перед ним.

Овладев собой, Майдель сел и задумался. Слова Конрада заставили его засомневаться. Возможно, он и впрямь оказался недостаточно осторожен и сам проговорился о грядущей операции…

Чародей, усмехаясь, наблюдал за дуксом. Истинно, лучший способ защиты – нападение.

Конечно, применять эту тактику постоянно не стоило, иначе Вольф рано или поздно что-нибудь заподозрит. Виттельсбах не был глуп, и умел анализировать ситуацию не хуже стратега Морсатра. На сей раз его приём сработал, ну, а потом маг придумает что-нибудь другое.

Выйдя из транса, Вольф махнул рукой, отпуская подчинённых. А Конрад, субвертировав к Либенштайну, вдохнул полной грудью свежий, слегка пахнущий прелой листвой воздух и вошёл внутрь.

У иллюминаса Виттельсбах застал Фёдорова, Чижова и незнакомого ему молодого чародея, зовущегося Феликсом Хоффманном.

Узнав имя гостя, последний начал заикаться от волнения; для филиев Виттельсбах давно стал живой легендой. Улыбнувшись юноше, маг пожал ему руку, и тот, попрощавшись с соратниками, с шумом исчез.

– Неопытный ещё, – усмехаясь, сказал Рудольф, – громыхает.

– Ничего, научится, – ответил Конрад. – В его возрасте я, перемещаясь, создавал вокруг себя вихри пыли. И долго потом чихал и отплёвывался.

Присутствующие засмеялись.

– Верится с трудом, – улыбаясь, сказал Владимир.

– Все мы когда-то были молодыми, – с грустинкой констатировал иллюминас. – Но ты ведь не просто так пришёл, сынок? Что-то случилось?

Виттельсбах пересказал друзьям содержание беседы с дуксом.

– Ай да Конрад, – весело произнёс Фёдоров, – тебе бы дипломатом быть! Это надо же додуматься – свалить вину на самого Морсатра.

Но Лёвенштайн выглядел озабоченным.

– Ты по лезвию ходишь, мальчик мой. Я начинаю опасаться за твою жизнь.

Волшебник беспечно махнул рукой.

– Вольф, конечно, умён, – отозвался он, – но ведь он меня и не подозревает по-настоящему. Да и справиться со мной не так-то просто.

– Один на один Майделю, конечно, с тобой не совладать. Ну, а если он выпустит на тебя всю свою свору?

– Вот тогда и подумаем, что делать.

– Несомненно, в этом случае, – подал голос Игорь, – мы все встанем за Конрада.

– Если успеем…

– Ох, да что же вы меня раньше времени хороните? Мы с Майделем знакомы с детства, неужто я его не переиграю?

– Конрад прав, – сказал Владимир. – Оба знают друг друга, как облупленных, но камень за пазухой держит только Виттельсбах. И хорошо его прячет, не догадаешься. Веди себя, как всегда, и неприятностей не будет.

– Верно, – ответил маг. – Однако меня беспокоит, что теперь Вольф, скорее всего, станет принимать решения в одиночку, никого не ставя в известность.

– Что ж…

Иллюминас покачал головой.

– Ты долго успешно помогал «Филии луцис», Конрад. И в том, что Майдель начнёт скрывать свои планы, нет твоей вины.

В глазах мага мелькнул весёлый огонёк.

– У меня остались кое-какие лазейки, и я продолжу добывать информацию.

– Нет, – твёрдо сказал Лёвенштайн, – я не стану рисковать тобой, сынок! Ты мне слишком дорог, и даже ради победы я не могу позволить себе тебя потерять.

Наступила тишина. Владимир и Игорь во все глаза смотрели на иллюминаса, а у Конрада задрожали губы, и он отвернулся, чтобы скрыть нахлынувшие чувства.

– Хорошо, – тихо произнёс он, – я буду осторожен, Рудольф.

Виттельсбах оказался прав. Майдель больше не собирал Совет, отдавая приказы непосредственно перед операциями. Количество жертв Морсатра множилось, а Конрад был бессилен предотвратить убийства и разрушения. Это угнетало чародея, постоянно находившегося в подавленном состоянии.

Однажды, услышав, что Вольф отправил злодействовать очередной отряд, Конрад субвертировал вслед. Использовав заклинание преображения, Виттельсбах вступил в бой, и впоследствии не единожды сражался на стороне светлых.

Слухи об этом дошли до иллюминаса, сразу догадавшегося, кто скрывается под маской неизвестного. Вызвав Виттельсбаха, Лёвенштайн, едва не плача, потребовал, чтобы тот прекратил самодеятельность.

Но маг упрямился.

– Если я не могу добывать сведения для филиев, то должен поддерживать их иначе, – твердил он.

– А ты не подумал, что Майдель рано или поздно догадается, чем после объявления боевой тревоги занимается его советник? – настаивал старик.

– Пусть…

Виттельсбах не сдавался.

– Тогда я примкну к «Филии луцис» открыто.

– И организация потеряет своего человека в «Серви ноктис».

Скрепя сердце, Конрад согласился с Лёвенштайном: шпионов, настолько приближенных к дуксу, у светлых больше не было. И, пока Виттельсбаху не нашли замену, рисковать, действительно, не стоило.

С досадой чародей отказался от участия в уличных боях. Впрочем, обстоятельства складывались не так уж плохо. Успокоившись, Морсатр снова обратился к Совету, и всё вернулось на круги своя.

Чтобы обезопасить агента, иллюминас игнорировал незначительные акции тёмных, сосредоточившись на крупных и опасных. Конрад тоже оставался настороже, и филиям удавалось блокировать действия сервиноктисов без особых потерь.

Aeternum bellum была в разгаре…

Глава 11

В один из дней, последовавших за вышеописанными событиями, Конрад проснулся с мыслью, что сегодня его ждут неприятные обязанности. Ах, да, международная конференция у Майделя.

Виттельсбах поморщился. Даже обычный ежегодный сбор сервиноктисов Морсатр не мог не назвать броским словцом. Отправляться в Эренфельз Конраду не хотелось, но «Филии луцис» нуждалась в информации. Вздохнув, маг начал собираться.

В гостиной замка было непривычно шумно: здесь звучал многоязычный хор голосов.

На мгновение Конрад замер в дверях, оценивая обстановку. Справа, оживлённо жестикулируя, беседовали трое итальянцев, слева слышался французский прононс, а в отдалении разговоры сливались в неясный гул.

Прикрыв глаза, колдун перестроился на ментальное восприятие. Тотчас он стал разбирать отдельные фразы, а потом звуки чужих языков и вовсе сошли на нет.

Когда маг шагнул через порог, все взгляды устремились на него. Волшебники, мимо которых он проходил, кланялись кто с почтением, кто с подобострастием, и это вызывало у Виттельсбаха раздражение. Ему не нравилось излишнее внимание, но, будучи правой рукой Морсатра, он не мог его не привлекать.

Не стоило сбрасывать со счетов и то, что маг, как бы сам равнодушно не относился к этому факту, являлся отпрыском королевского рода, а в зале присутствовали и те, кого он ранее встречал на светских приёмах.

И тут Виттельсбаху показалось, что он слышит с давних времён запомнившийся голос.

Так и есть. У противоположной стены Конрад увидел Оболенского оживлённо беседующего с красивой колдуньей.

– Анатоль! – сделав шаг в его сторону, позвал маг.

Русский повернулся, и глаза его расширились.

– Конрад! – радостно воскликнул он.

Мужчины обнялись. Если бы это происходило в человеческом сообществе, немедленно защёлкали бы затворы фотоаппаратов, заморгали бы вспышки, и посыпались вопросы.

Но здесь ничего похожего не случилось. Вежливо поглазев с минуту на встречу старых знакомых, маги вернулись к своим делам. А обрадованные друзья вышли в коридор.

– Я слышал, что в паре с именем дукса упоминают имя Виттельсбаха, но предполагал, что это кто-нибудь из твоих родственников. Ведь во время нашей давней встречи ты был настроен против «Серви ноктис».

– Я по-прежнему думаю так же, но, поверь, находясь здесь, я приношу больше пользы, чем если бы оставался вне политики.

– Не сомневаюсь.

Оболенский рассматривал Конрада. Неудивительно, что он не узнал мага: тот выглядел совершенно иначе, чем в юности.

– Прости, если я покажусь бестактным, но, похоже, жизнь не слишком тебя радовала.

– Неужели это так бросается в глаза? – серьёзно спросил Виттельсбах.

– Кто не знал тебя прежде, наверное, не заметит, но мы давно знакомы и много лет не встречались. Поэтому я хорошо вижу перемены.

– Ты прав, последнее время судьба меня не баловала. А самое ужасное, что к плохому я уже начал привыкать.

Русский внимательно посмотрел на друга, но вызнавать подробности не стал. Вместо этого он поинтересовался:

– Как тебе нравится происходящее? Эта политика...

– Политика изощрённых зверств, Анатоль, борьба за мировое господство. Я открыто выступаю против, но Вольфа ничьё мнение не интересует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.